

иеромонах
Хрисанф

Сыны Света

Воспоминания
о старцах Афона

Иеромонах Хрисанф

Сыны Света: Воспоминания о старцах Афона

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=329392

*Сыны Света: Воспоминания о старцах Афона/ Пер. с греч. А. В. Марков: Сибирская
Благовонница; Москва; 2010
ISBN 978-5-91362-267-9*

Аннотация

Книга «Сыны Света» – это впервые переведенные на русский язык воспоминания иеромонаха Хрисанфа (1894-1981), духовника скита Праведной Анны, о греческих подвижниках и старцах Святой Горы Афон, наставлявших его на путь спасительного подвига. Вошедшие в сборник писания старца Хрисанфа были созданы в период с 1960-го по 1981 год для многочисленных духовных чад. Они представляют собой трезвое рассмотрение христианских примеров веры и благочестия, явленных праведниками наших дней, которые шли путем святоотеческой традиции и стали истинными сынами Света, по заветам Святого Евангелия. Написанные простым языком, пронизанные любовью и добрым юмором, письма и воспоминания блаженного старца раскрывают чудные, незабываемые картины подвижнической жизни святогорцев и греческого народного благочестия. Писания эти – светлый след духовной жизни самого иеромонаха Хрисанфа – жизни, преисполненной высочайшими подвигами и дивными переживаниями по подобию древних отцов.

Содержание

Пролог	4
Краткое жизнеописание афонского старца Хрисанфа, духовника скита Праведной Анны (1894–1981)	6
Часть первая	14
Цанис и Елена	15
Бабушка и госпожа Георгена	16
Воспитание детей во времена отца Хрисанфа	20
О школьном обучении	22
Об аттических отцах	24
Старица Синклитикия	26
Король Оттон и королева Амалия	27
Монастырь Святого Спиридона и церкви Пирея	28
Священники из Пирея	29
Отец Герман	31
Афины вчера и сегодня	32
Дед Димитрий, могильщик	34
Лука Бефаний, подвижник	35
Как был основан монастырь Святой Ирины Хрисоваладской	36
Святой Савва Калимноский	39
Надгробие в Кератсинии	41
Наум	42
Иоанн Босой	43
Пресвятая Богородица Громовая и святой Стефан Пирейский	44
Святитель Нектарий и храм Вознесения	45
Отец Гавриил Маликоцакис Кавсокаливит о заблуждении	48
Метохия Вознесения становится маяком для ищущих монашеской жизни	49
Тяга к монашеской жизни	51
Часть вторая	53
Начало монастырской жизни	54
Отец Иероним об искушениях новоначальным	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Хрисанф, иеромонах Сыны Света: Воспоминания о старцах Афона

Пролог

(к греческому изданию)

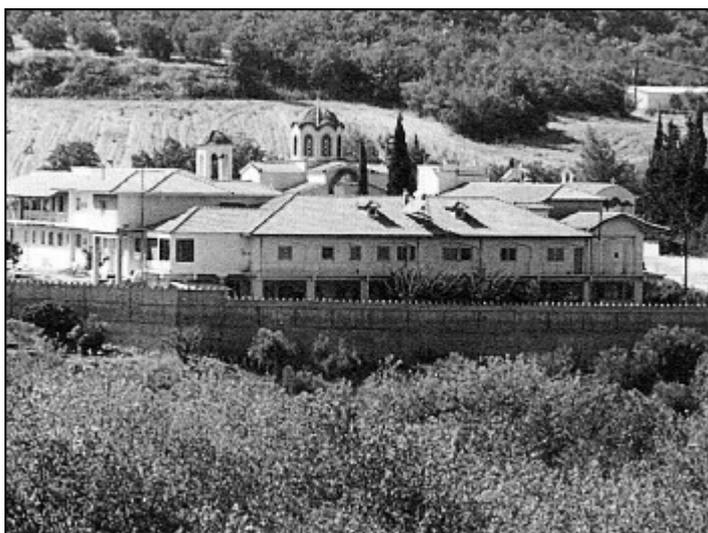
Блаженной памяти старец Святой Горы Афон иеромонах Хрисанф, духовник множества братьев, переселившись в вечные обители, оставил нам драгоценное сокровище – письма и рассказы, содержащие воспоминания от самых его детских лет. Отец Хрисанф повествует о жизни освятившихся во Христе старцев и всех добродетельных людей, у которых он на пути христианского совершенства научился как строгости, так и неизреченной сладости священного трезвения и божественной любви.

Мы не могли не догадываться и прежде, что владеем духовным сокровищем, хотя оно от нас и было скрыто вначале.

О том, что мы обязаны предать гласности писания старца, нам напомнили наши братья во Христе – его духовные чада. Последние годы мы посвятили подготовке этих духовных заповедей к изданию. С помощью Божией, святыми молитвами старца, эта книга станет первым сборником его сочинений. Пусть она послужит духовной пользе всех, кто сейчас приступает к чтению.

Вошедшие в данный сборник писания старца были созданы в период с 1960 по 1981 год. Отец Хрисанф выверял все свои записи и делал исправления. Мы решили сохранить без изменений особенности его речи, уточнив только в некоторых местах орфографию или пунктуацию. Лишь несколько раз мы позволили себе улучшить стиль, чтобы приблизить разговорные выражения старца к требованиям письменной речи.

Мы убеждены, что рассказы старца, трезвое рассмотрение им христианской нравственности весьма полезны для духовного роста. Они – светлый след духовной жизни блаженной памяти отца Хрисанфа.

Молос. Монастырь Пресвятой Богородицы Одигитрии

Особенно важна их публикация в нашу «новейшую» эпоху, когда евангельский дух, являемый в подвижничестве и молитвенных помыслах, изгоняется из повседневной жизни с бесовской одержимостью. Догматическое сознание современных христиан часто помрачено, поэтому они теряют ориентиры и отступают от святоотеческого, православного благочестия и веры.

Мы благодарим Всеблагого Господа и блаженного старца нашего Хрисанфа, не оставивших нас милостью. Благодарим всех, кто помог нам довести работу над книгой до конца.

Особую благодарность выражаем г-ну Фикирису Пандазису за оплату издания книги и желаем ему преуспевания и благой веры.

*Святой монастырь
Пресвятой Богородицы Одигитрии,
Молос, Локрида*

Краткое жизнеописание афонского старца Хрисанфа, духовника скита Праведной Анны (1894–1981)

Поистине велико дерзновение того, кто пытается представить, пусть и обзорно, в рамках краткого биографического очерка, жизнь этого афонского старца, всю преисполненную духовными подвигами и дивными переживаниями. В своих трудах ради Христа отец Хрисанф сравнился с древними подвижниками Святой Горы, напомнив нам о прежних отцах, принуждавших себя к спасительному подвигу. Нам остается только верить, что сознание своей дерзости и человеческой немощи извинит скромность этого очерка. Приступая к своему труду, мы обращаемся с молитвой, призывая самого отца Хрисанфа, духовника братьев и подвижника Святой Горы, снизойти к нашему скромному предприятию. Мы пишем только для того, чтобы братия, читая записки самого старца, знали хотя бы вкратце жизнь того, кто оставил нам эти письменные труды для нашего спасения.

Всю жизнь блаженной памяти старец скрывался от людей, будучи совершенно неведом миру. Для того чтобы его не замечали, он избрал нищету, ходил в ветхих одеждах, притворно изображал грубость и безумие. Все эти подвиги старец совершал с великим смирением, чтобы заслужить себе мирское бесчестие, столь желанное и Христом возлюбленное. Но благодать Божия, всегда устрояющая, чтобы духовные светочи «поставлялись на свещницу» ради просвещения и духовной помощи всем людям, устроила так, что и отец Хрисанф стал на долгие годы духовным наставником множества людей – клириков, монахов и мирян.

И это случилось вопреки тому, что он сам с детства помышлял только о жизни безмолвника, образуемой созерцанием и восхождением на духовные высоты.

Старец Хрисанф родился в 1894 году в Пирее. Его благочестивыми родителями были Афанасий Вреттарос и Евгения, в конце жизни принявшая монашество с именем Мелания. Во святом крещении будущий старец был наречен именем Христ.

Прихожане рассказывали, что младенец, стоя в святой купели, перекрестился, и священник, знаменитый проповедник отец Николай Планас, увидев сие знамение, сказал с изумлением, что новопросвещенный младенец воспримет дар святого священства и благоугодит Богу.

Воспитанием маленького Христа занималась его благочестивая прабабушка Деспина, возжигательница лампад в Спасо-Преображенском храме в Пирее, недалеко от Левки. Младенец возрастал поистине в «наставлении и разумении Господа». До самой своей кончины блаженной памяти старец Хрисанф со слезами вспоминал ее строгую келью, порядок духовной жизни, поучения о скромности, сердечной молитве, добродетелях и благодати монашеского образа жизни.

Уже в пять лет мальчика стали водить в церковь Святого Пророка Елисея в Монастираки, где ревнители духовной жизни со всех Афин собирались регулярно, чтобы служить всенощную по Афонскому уставу. Прабабушка, желая научить мальчика истинной духовной жизни, указывала ему во время всенощной на предстоящих Богу святых людей, ставя в пример их богоугодную жизнь. Те просветленные благочестием лица, как рассказывал сам старец, неизгладимо запечатлелись в его детском сердце. До самой смерти он вспоминал первых встреченных им святых: священника отца Никола Планаса, благоговейнейшего отца Антония из храма Святителя Николая в Певкаких, отца Мефодия с Афона, подвижницу монахиню Синклитикию, неподражаемых в делах благочестия певчих Александра Пападиамандиса на правом клиросе и Александра Морайтидиса на левом, и других мирян, совершавших

подвиг добродетели. Чуткий и смысленый Христ, ревностно желая уподобиться им, бежал в храм босиком, забывая и о еде, и об усталости, в нищей одежде – только бы пережить вместе с ними святые часы всенощной. Ведь так несказанны там и радость спасительных песнопений, и дивно звучащие молитвословия Господу Богу, и священные чтения и свято-отеческие поучения, преисполненные сладчайшим именем Владыки Христа! Так, с самого раннего возраста будущий старец посвятил себя духовным подвигам, ибо постиг сладость жизни во Христе.

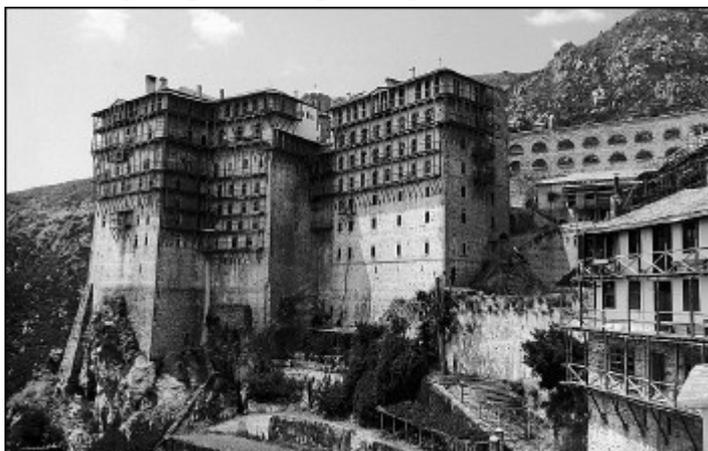
Кроме этого благословенного круга храма Пророка Елисея, Христ, когда подрос, познакомился с благочестивейшими духовными наставниками с Афона: отцом Панаретом, отцом Матфеем, отцом Яннисом и другими учениками и последователями святителя Нектария Эгинского. Они обычно служили в храме Вознесения в Панкратии – метохии святого монастыря Симонопетра.

Самой значимой для отрока стала встреча со славным и добродетельным старцем Иеронимом из Симонопетра. Тогда отец Иероним был еще простым монахом, а позже стал игуменом этой обители. Христ называл его своим любимым учителем. Общение с отцом Иеронимом изменило всю жизнь Христа. Когда ему исполнилось семнадцать лет, он отправился на Святую Гору, дабы упражняться в благочестии в монастыре Симонопетра.

В метохии Вознесения, куда Христ ходил вместе со своими товарищами, он был будто «жаждущий олень», стремившийся наполнить свою душу сладчайшими водами трезвенных поучений всех афонских старцев и духовников. Они учили его строгой христианской жизни, умной сердечной молитве и высоте монашеского жительства.

Весь этот духовный опыт, усвоенный с младых ногтей, возжег в сердце благословенного Христа пламень желания высочайшей духовной жизни и неутолимое стремление пройти стезей преподобных.

Итак, в 1911 году семнадцатилетний юноша, подготовленный всеми обретенными им добрыми духовными навыками и «окрыляемый божественной любовью», удалился из мира и стал монахом на Святой Горе Афон, в «ограде Пресвятой Владычицы нашей Богородицы».

Монастырь Симонопетра

Сначала он направился в святой монастырь Симонопетра, чтобы видеться со своим любимым духовным наставником Иеронимом. Целый год он пробыл послушником у старца и, несмотря на свой юный возраст, подвиг свой совершал со всей ответственностью зрелого мужа. По благодати Божией и благодаря отеческим наставлениям и поучением старца Иеронима, Христ стал образцовым послушником. Он помогал всем отцам в святой общине монастыря. Его отличали совершенное послушание, отсеменение собственной воли и преисполне-

ние божественным помыслом. Он первым приходил на церковные службы и первым брался за все служения и работы в монастыре.

После Христ ознакомился с другими отцами-подвижниками, приходившими в монастырь, и, воспламеняемый желанием высочайшей жизни безмолвника, оставил многолюбезную Симонопетру, отправившись в скит Святой Анны, а именно – в каливу Усекновения главы Иоанна Предтечи. Там он стал послушником старца Азария, который и постриг его в рясофор с именем Хрисанф.

Здесь начались испытания и тяготы монашеской жизни, которые соделали его опытным монахом, очистили и исполнили духовного ведения.

Братия каливы состояла из пяти монахов. Старец каливы, отец Азария, был человеком, усвоившим себе молчание и терпение ради Бога. Старец любил ревностного Хрисанфа и подробно разъяснял ему смысл божественного трезвения. Но вскоре он был вынужден направить его совершать подвиг безмолвия в каливу Святой Троицы над скитом, чтобы избежать соблазна, сеемого завистником-диаволом среди людей, совершающих подвиг во спасение. Позже он постриг Хрисанфа и в великую схиму.

Хрисанф проявил полное послушание старцу, но сердце его болело от преждевременной разлуки с наставником. Вот замечательное его признание. Когда он обернулся, чтобы последний раз взглянуть на каливу, и увидел через открытую калитку, как послушник изучает монашеские книги, а старец дает ему пояснения, он «заплакал горько».

В каливе Святой Троицы Хрисанф жил один. Он очень тосковал. Но «святая Анна, – как говорил он сам, – послала мне соль осоловившуюся – старца Онуфрия».

Отец Онуфрий начинал как послушник знаменитого скитского духовника – отца Мины Черногорского. После кончины преподобного отца Мины Онуфрий остался один в каливе Преображения, расположенной неподалеку от каливы Святой Троицы. Их связывали крепчайшие духовные узы, которые и способствовали духовному росту Хрисанфа.

Старец Онуфрий на всю жизнь стал наставником отца Хрисанфа. Он достиг высот ведения как безупречный послушник своего святого духовника – отца Мины. Обучившись у него совершенству монашеской жизни, он на опыте узнал высоту чистейшего подвига созерцаний и посвятил в искусство трезвения восприимчивого к этому будущего старца Хрисанфа. Со всей строгостью и в полном послушании Хрисанф исполнял все предписания в безмолвии каливы, – показав великий подвиг, трезвение, бдение, – одним словом, внутреннее делание умной молитвы.

Духовному восхождению блаженной памяти старца содействовали и другие наставники. Таким был знаменитый своей духовной прозорливостью и опытностью духоносный старец Игнатий Катунакский, «неочитый». Игнатий питал большую любовь к юному Хрисанфу, которого мы узнали уже как старца, и часто называл его «мой Хрисанфелис».

Старцы из скита поражались разуму и скромному нраву юного монаха, а также его дару сокрушения и слез и склонности к усиленному подвигу.

Вот что его отличало: постоянная строгость к себе, жизнь, не знающая уступок, и подвиг, не знающий усталости; совершенное послушание и исполнение высоких монашеских поучений старца Онуфрия; неукоснительное пребывание на всех последованиях и бдениях в честном храме скитском. Его даже старцы прозвали, несмотря на юный возраст, «типикарем», то есть уставщиком, канонархом. Они хотели сказать, что в юноше уже зревают старца.

Сам будущий старец желал пребывать один в каливе Святой Троицы и совершать там подвиг ради своего спасения, вкушая мед безмолвия. Здесь он был «единый, предстоящий единому Богу» и стремился идти путем, который описывает святой Никодим Святогорец на примере преподобного Симеона Нового Богослова: «Единого Иисуса помышляет, единого Иисуса вожделеет, о едином Иисусе помысл его, Иисус для него – высота умного созерцания,

Иисус для него – наслаждение языка, Иисус – сладостное занятие и отрада сердца, Иисус – дыхание».

Скитские отцы принудили его принять двух послушников. Они болели туберкулезом, и старцу пришлось отправиться в Афины, чтобы устроить их врачевание. Он не хотел, чтобы по всему скиту распространилась «священная страсть», как из приличия называют эту смертельную болезнь.

После долгого усердия в аскетических упражнениях и подвиге умной молитвы, после этой благословенной субботы покоя, настало время испытаний и бед. Но благодать Божия устроила так, что старец, преисполненный духовным опытом и добродетелями, словно «олива многоплодная», отправился в мир. Он питал плодами духовной жизни многих. Таков был человек, с детства избравший подвиг на орошенных слезами афонских скалах и показавший совершенное божественное самоотречение, усиленное трудами. Божественная любовь произвела в нем «доброе изменение». Ведь эта любовь, как огонь истребляющий, сжигает сердца тех, кто возлюбили Сладчайшего Господа нашего Иисуса Христа.

Когда будущий старец врачевал своих послушников, разразилась великая смута в ограде Греческой Церкви, произведенная сменой календаря. Это изменение календаря возмутило многих и вызвало неприятие со стороны множества благочестивых клириков, даже в среде архиереев, а также монахов и мирян. Последовали гонения, суды, высылки из монастырей, лишения сана и прочие позорные события. Наконец, дело завершилось расколом, и эта рана Церкви до сих пор не зажила и дает о себе знать.

Отец Хрисанф и другие отцы и духовные наставники из святых обителей и скитов Святой Горы (как и славный отец Евгений Дионисиат, отец Иероним из Святого Павла и другие) попытались совместными усилиями утвердить христиан в отеческом православном благочестии, свято ревнуя об утраченном благочинии. Хрисанф, который с юности возлюбил православное святоотеческое Предание, скорбел о столь непродуманном решении церковного священноначалия. Он дерзновенно обличил тогдашнего архиепископа Афинского

Хризостома (Пападопулоса) за календарное нововведение. Он говорил с болью в душе, что время Богу восстановить тело Церковное, пострадавшее от соблазнов, произошедших из-за самочинного изменения Устава.

При этом старец был столь усерден и духовно осмотрителен, что никогда не впадал в пристрастия и крайности. Несмотря на все неблагоприятные и тяжкие обстоятельства, он продолжал оставаться делателем и учителем послушания, внутреннего подвига и сердечной молитвы. В добром исповедании он ни на шаг не отступал от честного православного Предания. Поэтому-то никогда и не допускал быть дерзким пред очами неподкупного Судии всех. Не теряя духовных ориентиров, он в каждом своем движении был настоящим монахом. Руководствуясь святоотеческими наставлениями, он пестовал в себе самопорицание. Своим духовным чадам старец не уставал говорить, что самое главное в духовной жизни – это «все время укорять себя».

Он очень печалился, когда вспыхивали споры по церковным вопросам. «Эти споры, – говорил он, – иссушают сердце, и тогда нужен великий подвиг и премоные слезы, чтобы вернуть себя в состояние молитвы и к прежней божественной любви». Обсуждение вопросов церковной жизни требует «целомудренной жизни, истинного исповедания и чистоты ума». Старец замечал, что изменение календаря нанесло ущерб духовной жизни православных христиан, потому что они «перестали пребывать все вместе в молитве, стали забывать жития святых и благодеяния Всеблагото Бога, делающие душу мягкой и поощряющие ее любить Бога, и стали посвящать себя вопросам, которые должны исследовать только люди высочайшей духовной жизни».

Уступая многочисленным просьбам, Хрисанф был рукоположен во священника митрополитом Кикладских островов Германом и вскоре получил право принимать исповедь.

Он служил на приходе Трех дев – Минодоры, Нимфодоры и Митродоры – в Вотаниконе, затем в храме Святой Филофеи в Петралоне, храме Премудрости Божией в Пирее и, наконец, в святом храме Троицы на перекрестке улицы Орфея и улицы Праведной Анны в Вотаниконе. Совершал он служение и в других благочиниях, например, в храме Преображения в Кипселе. Этот приходской храм прежде относился к Преображенскому монастырю, по преданию, основанному святой Филофеей Афинской (его постройки сейчас разрушены, а сам монастырь давно упразднен). Именно туда, когда Хрисанф был еще ребенком, был направлен со Святой Горы благочестивейший духовный наставник – отец Мефодий. Отец Мефодий и ввел в Афинах добрый обычай служить всенощные по Афонскому уставу (об этом много писал Александр Мораитидис – афинский псаломщик и духовный писатель).

Храм Святой Троицы на углу улиц Орфея и Праведной Анны в Вотаниконе

Как духовник старец Хрисанф показал себя опытным врачом душ. Его скромная келейка на улице Крокеон, недалеко от Афинского проспекта, стала настоящей Силоамской купелью и духовной лечебницей. Множество болящих, обремененных и израненных душ обращались к отцу Хрисанфу. К нему приходили праведники и грешники, старцы и юные, архиереи, священники, монахи, приверженцы и старого, и нового стилией. Всех старец встречал с распростертыми объятиями. Как истинный духовный наставник, он изо всех сил молился о спасении своих чад и неизменно страдал и болезновал душой, покуда не «отобразится Христос» в сердцах чад его. Старец не ограничивал часы приема и не знал времени отдыха и перерывов. Он даже не запирает дверь в свое жилище на Крокеон, потому что готов был принять каждого и сразу же оказать помощь: ибо и Сам Христос умер за каждого человека.

В любое время дня и ночи к старцу могли обратиться люди, ищущие прибежища от преследований диавола, изможденные скорбью, отчаянием и многоболезненной суетой жизни сей, а более всего – прискорбными грехами.

Все, кто приходили на прием к старцу, – отчаявшиеся, угнетенные, покрытые зловонной коростой постыдных страстей, с незаживающими гноящимися ранами от стрел лукавого, – не просто приходили в себя, но постигали всю любовь и милость старца. Им уже не хотелось жить во грехе, и они начинали вести жизнь добродетельную и целомудренную, в посте, сердечной молитве, и, даже если они были мирянами, состоящими в браке, монашеская доблесть становилась для них немеркнущим идеалом.

Отец Хрисанф был опытным духовным руководителем. Он обладал особенным даром – воодушевлять человека стремлением к монашеской жизни. Юноши и девушки собирались

вокруг него, привлеченные сладостью его учения о высочайших духовных переживаниях монашеского жителства.

Сам старец с особой любовью приветствовал юные души, в которых еще не померкла девственная чистота. С бесконечной отеческой любовью и уважением к ним он пытался посвятить их в глубины духовной жизни и возвести на высоты умного делания и молитвы. Он страдал ради них и ради них вершил подвиг, ибо видел в них сосуды, пригодные для благодати Всеблагого Бога, для возвышенных созерцаний жизни во Христе и святой благодати священства.

Любовь и забота привлекли к нему множество юных душ, всем сердцем устремившихся к монашеской жизни. Хрисанфу пришлось основать два мужских монастыря и один женский. Эти монастыри он благоговейно освятил в честь Владычицы нашей Пресвятой Богородицы: первый – в честь Ее иконы «Достойно есть», другой – ради иконы «Святой Покров», а третий в честь иконы «Одигитрии-Путеводительницы». Также он позаботился о поселении своих чад в прежде заброшенной каливе святого Покаяния скита Праведной Анны – так обычно называлась калива Усекновения главы Иоанна Предтечи.

Старец Хрисанф являл самопожертвование до самой своей смерти. Ведь он был связан великим чувством ответственности наставника за своих духовных чад, которые слушали его советы в скромной келье на Кроеон. Велик был его сокрытый от глаз людских подвиг внутреннего делания, трезвения и умной молитвы, бдения и подвижнических упражнений.

Пребывая в мире, старец остался неподвластен помыслам мира и никогда не отступал от созерцания Бога. «Изменился он божественным рачением», и это было очевидно для всех, кто его знал. Живя в миру, он до самой своей блаженной кончины оставался настоящим афонцем. Он жил, вкушал, одевался, беседовал, служил как истовый афонец. Умом он всегда пребывал на Святой Горе и мыслью витал где-то рядом со своей каливой, вспоминая тропы, пещеры и скитские отроги. «Хотя я и далеко оттуда, – говорил он, – воздыхание мое и сновидения мои все там».

Ведь его вдохновляло живое воспоминание о знакомых ему святых старцах, и об их поучениях, столь ярко некогда отозвавшихся в его душе. На всякой праздничной службе он, немного грустя, переносился умом в скитский собор. Из очей его начинали течь слезы, когда он представлял благоговейный взор подвижников, их легкую поступь, старческие лица, казавшиеся изваянными из воска, когда свет свечей выхватывал их из темноты во время всеобщей молитвы.

Старец Хрисанф всегда был молчалив и скорбен, преисполнен печали и слез. Он не умел дерзить людям и смеяться над ними, но умел утешать их и обнадеживать. Его истинная любовь была лишена мирского тщеславия и подозрительности. Он был прост как дитя, тих, величествен и кроток как всякий многоопытный старец. Он посылал в мир благословение Божие и Пресвятой Богородицы, Владычицы нашего вертограда. От старца, дивного и богоданного, исходило благословение Афона, любовь в нем была неотделима от почительности, а сыновнее послушание соединялось с совершенным освящением. Он отверз объятая для всех, передавая нам бесценный опыт духовной жизни.

Многие помнят, как отец Хрисанф шел по проспекту или по афинским и пирейским улицам, сжимая в руке четки из тридцати узлов, неся за спиной узелок из рогожи. Обувь на нем была сбитой, а ряса – вся в дырах и заплатках. Старец всегда спешил с молитвой и благим молением исполнить все духовные нужды своих чад, а иногда помочь им и материально. Часто он возвращался к себе уже глубокой ночью, сбив ноги до крови и падая от изнеможения. Он просил себе только антидор и святой воды: ведь весь день он ничего не ел, так как, обходя роскошные особняки состоятельных людей, не имел времени задержаться на обед. Для него важнее всего был полноценный подвиг и принуждение себя, хотя он и совершал его, будучи в миру, в известных нам пределах.

Жизнь его была жизнью нищего, не нуждающегося ни в каких бытовых вещах. Он никогда ничего не оставлял себе, но все раздавал. Как-то раз, покидая дом своего духовного чада Менидиса, он отдал ему на прощание немного денег за понесенные расходы. Через некоторое время он вернулся и, смущенный, словно маленький ребенок, попросил отдать ему назад эти деньги. Когда Менидис стал его расспрашивать, что же случилось, старец был вынужден признаться, что увидел нищего, лежащего у дороги и очень нуждающегося в деньгах.

Много было людей, которые, не заявляя никому о себе, приходили на исповедь к старцу. В изумлении они слышали, как старец, прежде никогда их не встречавший, называл их по имени. Многим он неожиданно звонил по телефону, давая краткие и прямые предупреждения о том, что может произойти. И многие из тех, кто смущались исповедовать какие-то свои деяния и помыслы, с изумлением слышали от старца причину своего смущения.

Многие помнят, что отличительной чертой старца был дар слез – «приснотекущие слезы». Бывали минуты, когда очи его были, словно родники. Слезы бежали без всяких вздохов, стекали по щекам и бороде, орошая его стихарь. Это бывало неоднократно, но особенно во время исповеди старец мог так растрогаться, что все видящие начинали осознавать, с каким чувством раскаяния всем надо исповедоваться.

Потребовалось бы написать целые тома, чтобы сохранить для читателей все опытные переживания и свидетельства о дивных событиях, зрителями и участниками которых стали духовные чада старца. Но цель настоящего издания другая. Мы не стремимся представить во всей полноте сведения о преподобной жизни блаженной памяти старца Хрисанфа. Ведь находясь в миру, он всегда избегал всякой чести и признания, для чего порой нарочно представлялся вздорным, грубоватым и сердитым. Некоторые люди, судящие о человеке только по внешнему виду, думали, что старец действительно таков, и неправильно понимали его действия. Они считали, что старец и душой груб. Но он вел себя так не по собственному произволению (как и не было у него нужды казаться лучше, чем он есть), но только ради пользы наших душ. Ибо «как неотъемлемое свойство огня – свечение, а святого миро – благоухание, так и неотъемлемое свойство благих деяний – приносить пользу» (святитель Василий Великий).

Мы пишем только о небольшой части дивных событий, которые духовные чада старца увидели своими глазами. Хотя прошло уже двадцать пять лет со дня его успения, мы со страхом приступаем к работе, чтобы ни в чем не оскорбить память нашего духовного наставника. Пока старец Хрисанф был жив, он, если слышал похвалу себе и своему благочестию, сразу же возражал, как другие люди возражают, когда их оскорбляют и унижают.

Старец достиг глубины самоукорения, и его смирение было неподдельным и самым искренним.

Вот таким, если говорить совсем кратко, был смиренный и незаметный (а некоторыми людьми и неправильно понятый) отец Хрисанф. Но за его убогим обликом скрывалось неизреченное духовное величие. Это величие восторжествовало, по благодати Божией, в Афинах времени А. Пападьямандиса¹ и на Святой Горе Афон, этом благоуханном и отведенном для святых «Саду Богоматери». Ведь рядом со старцем было множество других освятившихся в духе подвижников, овеванных благоуханием благодати Святого Духа.

Земная жизнь старца завершилась 29 мая 1981 года в результате кровоизлияния в мозг². Старец переселился в вечные обители, чтобы повстречаться там с любимыми старцами и со всеми, о ком он повествовал в своих несравненных рассказах. Честные мощи отца Хрисанфа, согласно его воле, были перенесены в священный скит Праведной Анны и погребены

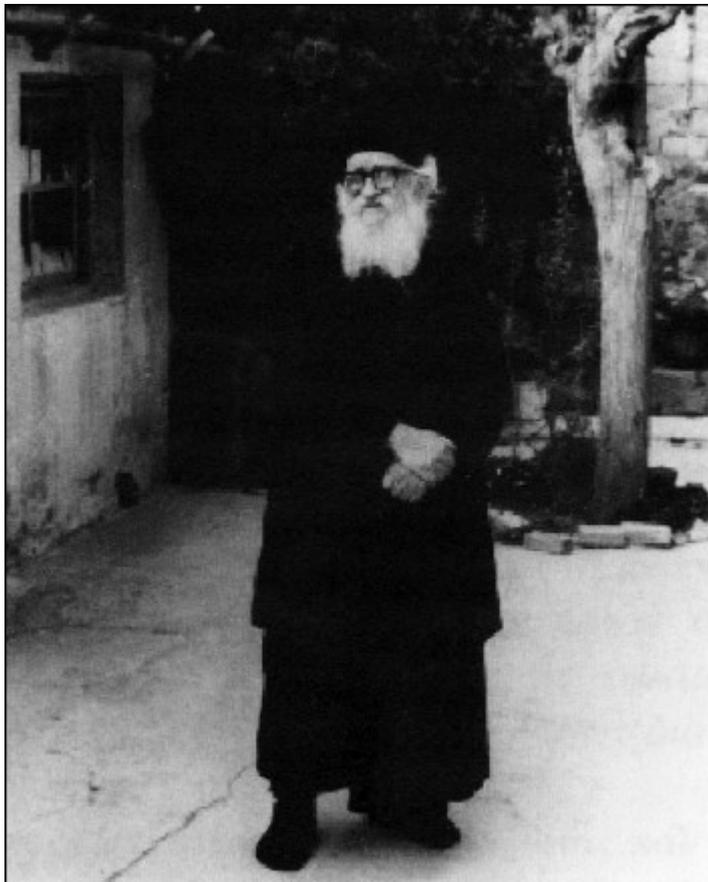
¹ А. Пападьямандис – псаломщик в Афинах, крупнейший греческий писатель.

² В день взятия Константинополя. Старец, по достоверным свидетельствам, заранее знал день своей смерти.

на скитском кладбище. Земля Святой Горы приняла ревностно и почтительно изможденное трудами тело блаженного старца Хрисанфа.

Да будет память его вечной и да пребудут с нами его святыя молитвы. Аминь.

Часть первая Воспоминания о детских годах

Иеромонах Хрисанф

Цанис и Елена

Моя прабабушка, вырастившая меня, была дочерью Петра и Анны, с острова Эгина. Прародителя моего звали Алифантий. Было у него три сына: Апостол, Андрей и Панаг, а также четыре дочери: Деспина, Билио, Левтерья и Катерина.

Деспина, моя прабабушка, была выдана замуж насильно и сначала жила в Пирее. Она меня учила монашеской жизни с самых первых лет и загадочно предвещала мне: «Всеблагой Бог призвет тебя к высоким занятиям. Будь внимателен, не упусти этого. Ты видишь, кто в Пирее помогает нищим? Никто, кроме Цаниса и Елены.

Эта святая и благословенная супружеская пара создала детский приют, в котором бедных детей и сирот обучали всем ремеслам, и больницу, в которой всем нищим могла быть оказана помощь. Иногда, бывало, Цанис скажет Елене, рассуждая, как все люди:

– Елена, не съешь ли немного мяса, рыбы или сыра?

А она отвечала:

– Ах, мой Цанис! Здесь мне вкушать наслаждения или в будущей жизни?

– Делай, Елена, как пожелаешь.

Ели они всю жизнь только хлеб с оливками, посыпав душицей. Но память о них жива в новом поколении.

И ты будь внимателен. Если в кармане оказался гривенник – пожертвуй. Жизнь свою нужно быть готовым пожертвовать. Я хотела стать монахиней, но меня принудили выйти замуж. Помогай монастырям, тогда станешь благим человеком для всех, кто с тобой общается».

Так прабабушка говорила мне почти каждый день, приводя различные примеры, чтобы я не любовался собой и не сидел во тьме невежества. Пищу об этом, чтобы вы увидели, сколько благочестивых жителей было в богоспасаемом граде Пирее. Она и вырастила нас, хотя не умела писать и произносила слова с албанским выговором.

Бабушка и госпожа Георгена

Госпожа Георгена, как у тебя дела? Все ли у тебя хорошо? Как жизнь? Благодарю Всеблагого Бога за милость, которой ты удостоилась: ты купила участок и построила домик из кирпича, где теперь слышны детские голоса, и не огорчайся, что твои окна пока без стекол и запираются только ставнями. Ты, будто курочка, собираешь своих цыпляток, а сосед-то все равно не знает, есть у тебя хлеб или нет.

Когда я вспоминаю тебя, Георгена, в душе моей – и радость, и печаль. Оттого радость, что ты отправилась в храм Елисея Пророка и получила благословение и от отца Николая Планаса, и от отца Антония, который служит в церкви Святого Николая в Певкакии. А печалюсь оттого, что, хотя я и возжигательница лампад и служу в Преображенском храме, но не чувствую той радости, которую чувствуешь ты на всеобщих в храме Пророка Елисея.

Очень тебя прошу: когда отправляешься на всеобщие, бери с собой моего правнука. Ведь я вижу, Владыка наш Христос призвал его к иночеству. Я ему постилаю мягкую подстилку из сена, а он этим недоволен. Встаю утром – а он взял себе старый коврик и спит на нем. В храм он идет без обуви, в рваной рубахе, и это его не смущает. Привечает его отец Николай, его крестивший, и мой внук, отец Георгий. Поэтому очень тебя прошу: бери его с собой и приводи обратно, а то тут много бродит евреев и цыган, – еще украдут мальчика.

Ты знаешь, что в церкви, где служу, мне платят пятьдесят лепт. На что их потратить? Всю мою собственность, которая числилась у нотариуса, у меня прямо из рук увели, как только умерла моя дочь Катика, – я же терпеливо пришла в эту келейку при церкви и поселилась тут вместе с сестрой, у которой все имущество тоже как ветром сдуло. А я – хозяйка, как ты знаешь; я шила что-то и ждала от своих богатых племянников, Кумусеев, что дадут что-то на житье мне и моей внучке Евгении, а то она вся уже измучилась шить модные одежды. Теперь ведь уже никто не носит наших, православных, всем только французские платья подавай. Она сама, когда слышит, как вокруг судачат, что она «шьет по-французски», говорит: лучше уж умереть, чем слышать это – «шьет по-французски».

Еще прошу простить, что не могу заплатить тебе. Пусть правнук приходит домой к тебе, и идите прямо-прямо в Руфос, а из Руфоса направляйтесь к церквушке Пророка Елисея, где благоуханная память святой Филофеи Афиняныни.

– Вставай, Христ, дружок. Отправляемся в Каминии к госпоже Георгене, потому что завтра нам надо идти в Святого Спиридона. Скажу сейчас тебе вещь, которую никогда не забывай. Святой Спиридон, друг, был большим монастырем, наставлявшим весь Пирей. Но пришел Оттон, отнял у монастыря все имущество и раздал своим французам. Затем мало-помалу стали прибывать островитяне с Идры, Спетсий, Эгины, Метены. Сначала Оттон прогнал батюшек, а затем греков стало больше и они вытеснили французов. Левка, где мы живем, называется иногда Эгинетикой, потому что все жители у нас родом с Эгины. Я и сама одна из них.

Только не забывай: когда будешь у нашей Георгены, ничего не ешь из предложенного. Ведь ты идешь на всеобщую, а перед всеобщей надо поститься, иначе как же ты сможешь понять, что там читают из святых творений святого Спиридона.

* * *

– Привет, госпожа Георгена! Как себя чувствуешь? Все ли у тебя хорошо?

– Хорошо, малыш. Ты на всеобщую? Тебя бабушка прислала? Сварить ли тебе кофе из ячменя? У меня есть только этот кофе, а больше ничего.

Я молчал.

– Поняла, чадо: тебе бабушка не велела пить кофе, потому что мы идем на всенощную. Слушайся бабушку – это важно для спасения души. Сейчас скажу тебе кое-что: не надо печалиться.

– А я, госпожа Георгена, и не печалюсь.

– В церкви, куда мы идем, ты слышишь, что, когда священник читает Евангелие, он приветствует нас. Каким словом приветствует? Словом «радуйтесь». Это слово и ты говори, – в храме Святого Павла, где читает проповеди Врихоропулос со Спетсиев, помню, он нам объяснял, что не знают печали те люди, которые веруют в Бога. Они всерадостны, потому что крестились во имя Его. Поэтому смотри, чадо, в конце литургии, когда все люди начнут выходить из церкви, они с радостью и ликованием будут брать антидор, а затем дома его вкушать. Поэтому говори всем «радуйтесь», а не «привет». Теперь вставай, – нам уже пора на всенощную, она сегодня рано начинается.

– Дай, добрая Георгена, я понесу твой костыль: ведь ты старая, а дорога долгая, можешь устать.

– Что ты, Христ, я пойду без усталости, чтобы получить мзду от Бога. Разве не слышал ты слова Христа: *приидите труждающиеся... и аз упокою вы*³? Какое это упокоение? Рай это! Тебя это огорчило, но мы обязательно отдохнем, когда будем у Святого Иоанна Рента, где депо и водонапорная башня железной дороги.

– Как хорошо, госпожа Георгена! Мы вышли из дома.

– Посмотри теперь, малыш, внимательно, как заходит солнце, и помолись мысленно: «Христе мой, настави мя, Пресвятая Богородице, Владычице моя, покрой мя, и святой мой Спиридоне, и Ангеле мой, пришедый поднять душу мою, соблюдайте мя, да буду добрым чадом».

– Да будет так, госпожа Георгена!

Из любопытства я стал присматриваться, что делается в соседнем дворе. Госпожа Георгена спросила меня:

– О чем, Христ, задумался, что так пристально туда смотришь?

– Увидел детей Врериса в ботинках и подумал: «Вот богатые дети – они в ботинках и хорошей одежде, они не мерзнут в нашей школе, где зимой не заделаны окна».

– Это ты нехорошо думаешь. Разве ты не слышал, что Врихоропулос говорил в воскресенье, когда мы вместе были в церкви и ты еще помогал ему поставить аналой? Богач был предан на мучения, а Лазарь, босой и скрюченный, пошел в рай. Об этом размышляй, чадо, – люби нищету, будь нищим. Христос, Бог наш, носил бедную одежду, и мы должны Ему подражать. Пока мы идем до Пророка Елисея, говори только: *Господи, помилуй*.

Так мы пешком дошли до Афин.

Я по малолетству решил попробовать пройти по рельсе железной дороги. Сделал два шага, а на третий упал из-за своей страшной гордыни и разбил лицо.

– Что ты наделал, мой Христ? Где твое прежнее внимание? А если бы ты ногу сломал, что бы мы делали? Ты бы всю жизнь хромал, и все бы про тебя говорили: «Вот, хромой, безногий, идет в город». Поэтому и нужно быть внимательным всю жизнь. В церковь Пророка Елисея мы приходили еще до начала службы. Афонский иеромонах Мефодий претерпел множество искушений, прежде чем ему дали право совершать всенощные в этой маленькой церквушке. Он поставил деда Илию совершать чтения два часа до начала службы. Входишь в церковь, а там уже сидит старица Синклитикия – истинная святая, которая ест только один сухарь в день. Дед Илия восседает на стасидии под иконой святого Онуфрия. Он читает, и я, старая, помню, что он читал: «Когда душа отделится от нашего тела, она вступит на лестницу, возводящую прямо к небу. Эта лестница тоньше, чем волос у нас на голове. С одной

³ Мф. 11, 28.

стороны будут ангелы, а с другой – бесы». Они станут во всем тебя испытывать, и даже как ты с завистью смотрел на детей Врериса, какие мол они богатые.

Услышав это, я зарыдал. Со мной вместе заплакала и Георгена. Вздыхая, с глазами, полными слез, она сказала мне:

– Посмотри на свою бабушку. Она плачет, потому что вспоминает о смерти и о той лестнице, по которой всем нам нужно будет пройти. Об этой лестнице и ты вспоминай, мой Христ, и тогда станешь хорошим человеком.

По дороге она меня спросила:

– Произносишь ли ты всегда, чадо, «Господи, помилуй»? Помни, что всегда у тебя в уме должно быть «Господи, помилуй».

Так мы дошли до Руфа. На улице ни одного человека. Мы переступили порог церкви Пророка Елисея и увидели там самых благоговейных жителей Пирея и Афин. Все они с умилением и сокрушением слушали чтение старого Илии.

Прихожане, после многих трудностей и неувязок, добились открытия церкви Святого Фанурия. Это произошло по молитве святого, а то многие, приезжавшие из-за границы, говорили, что никакого святого Фанурия не существовало. Они видели множество чудес, которые Всеблагий Бог соделывал через Своего угодника, но при этом препятствовали возведению церкви в честь этого святого. Священник был столь рачителен во время всенощной, что с него брали пример все приходившие на эту службу.

Среди ревнителей богослужения был Георгий Леусий с Эгины. Он посоветовал мне: «Стань добрым человеком, как те святые мужи, которые сейчас, ты знаешь, на Афоне, в Лавре: отец Герасим, отец Никодим и Спиридон-врач. Сегодня день памяти святителя Спиридона: пусть он покроет тебя, а то на Святой Горе тебя ждет множество искушений».

Георгена мне говорила:

– Послушай, как дед Илия читает из «Кириакодромиона» Агапия⁴.

Вот уже восемь часов, половина девятого, и начинается всенощная.

По рядам разносится шепот: «Идет отец Антоний».

Все в храме встают и совершают земной поклон.

Отец Антоний положил поклон перед святыми иконами, вошел в алтарь и очень тщательно осмотрел большой престол и жертвенник, не упала ли туда муха или какое-либо насекомое. Затем он начал сосредоточенно служить повечерие. Все внимательно и благоговейно прислушивались к произносимым словам. Тогда же читался канон ко святому Причащению. Большинство причастников, прежде чем приступить к таинству, за восемь дней до этого отказывались от мяса, за шесть – от рыбы, за три – от масла и приносили Богу чистейшую исповедь. Поэтому, когда они причащались, то были что ангелы по обличью.

⁴ *Кириакодромион* – сборник чтений на воскресные и праздничные дни, изъяснение праздников, составлено Агапием Критским (Ландосом).

Святой Николай Планас, священник (f1932)

После вновь слышался шепот: «Прибыл экипаж, приехал отец Николай». Он служил литургию, весь переполненный счастьем. Маленькие дети, чистые как ангелы, видели, что он не ступает по земле, а приподнимается над ней. Он ничего не ел, только причащался, спал лишь один час днем и ел хлеб с водой.

Воспитание детей во времена отца Хрисанфа

(из письма старца)

Как ты поживаешь, госпожа Мария? Что у тебя происходит? Я не забываю о тебе: прошу Пресвятую Богородицу подать тебе здравие, как и твоим детям и внукам. Ты мне исповедалась, и я должен написать тебе несколько советов. Я знаю, что нет нужды тебе что-то особо советовать, поэтому скажу только, что лучше всего воспитывать своих внуков на острове подобно тому, как воспитывали нас. Ты помнишь, что, когда наступала Великая Четыредесятница, нас готовили еще на Сырной седмице:

– Дети, скоро перед нами умрут семь инокинь-седмиц. Мы должны им подражать, поститься и вкушать масло только в субботний и воскресный день.

Мы отвечали с детской простотой:

– Мама, эти монахини еще не умерли? В пятницу первой седмицы нам говорили:

– Сейчас умерла одна монахиня, которая всю свою жизнь постилась. Попостимся и мы, чтобы прийти ко Владыке Христу. Он нас примет в Свои объятия, поведет нас с Собой в рай, как Он взял с Собой детей и благословил, когда шел в Иерусалим.

Внимая звону колокола, мы смотрели, как на глазах священников выступают слезы, и спрашивали:

– Добрая бабушка, почему священники плачут и вы все тоже плачете?

И получали ответ:

– Дети, сейчас Великая Четыредесятница, когда предстоит умереть шести малым монахиням и одной великой. Великая умирает в конце Великой Седмицы, и она нас удостоит видеть нашего Христа на Кресте. А в день Светлого Воскресения мы наденем постиранную и чистую одежду и отправимся в церковь. В ночь священник возгласит «Христос воскресе!», забьют колокола и вся церковь заблестит, как молния, от множества светильников. Наконец, мы все причастимся, малые и великие, а после службы священник каждому вручит красное яйцо – сначала самым маленьким, а потом и более взрослым.

– А почему, бабуля, сначала малышам?

– Потому что маленьким детям предстоит научиться любви Христовой. А любви Христовой учат нас священники. Видишь, где бы мы ни были, мы встаем, когда священник идет мимо, и кланяемся ему, а он отвечает: «Христу Богу кланяемся».

Так мы учились любить нашего Христа. Многие дети ходили в церквушки рядом с домом, молились в них и учились ступать по пути святости.

Когда родители слышали, что мы произносили непристойное слово, то, как только начинался ливень, при вспышках молний и ударах грома вставали на колени дома и со слезами нам говорили:

– Вы видите и слышите, что происходит? Это потому что вы произносили неподобающие слова и не покайтесь. За это Господь наш Иисус Христос и грозит всему миру.

А мы молились:

– Прости нас, Христе, прости нас.

– Чтобы Христос простил нас, принесите воскресную лампаду, затеплим ее – и гнев остановится.

И правда, как только лампада загоралась, гром стихал и молнии уже не сверкали на небе.

Мы радостно говорили:

– Христос Бог наш простил нас! Мы больше никогда не будем произносить тех слов.

Родители, чтобы научить детей милостыни, поступали так: когда нищий проходил мимо дома, они вручали детям хлеб, чтобы те отдали его нищему.

Затем говорили:

– Вы отдали хлеб проходящему нищему? Христос Бог теперь благословит наш хлеб и мы можем не месить тесто в субботу, а отложить дело до понедельника.

И поистине, по чудодейственной воле Владыки, хлеб хранился дольше и до понедельника тесто не ставили. Поэтому маленькие дети, лишь увидев странника, начинали спорить между собой, кто введет его в дом и накормит. До 1940 года на островах не было гостиниц, потому что странников принимали церковнослужители в своих кельях и простые жители острова у себя в домах.

И ты, госпожа Мария, следи, чтобы внуки тебя никогда не увидели сердитой, но всегда разговаривай с ними кротко. Читай им жития святых. Никогда не делайте ничего гнусного, не спорьте на глазах у детей – это причиняет им вред. Водите их в церковь, пусть они попостятся немного и после причастятся Пречистых Таин. А то сейчас многие священники и богословы стали говорить, что можно причащаться вообще не постясь. Смотрите, так не поступайте.

Вот что вкратце написал я вам, чтобы вы помолились Пресвятой Богородице за меня, отца Хрисанфа. Молитвы и благословения всем православным Австралии от грешника.

О школьном обучении

(из письма)

Мы не знаем, что нас ждет, хотя мы давно записаны в ополчение Единой Святой и Апостольской Церкви – Матери нашей. Мы думаем, что искушения нас не затронут. Но мы не задумываемся, что, как нас предупреждал сосуд избранный, мы должны всегда принуждать себя, ибо *дни лукави суть*. Но зачем говорить «дни»? Не о днях речь, но о предпочтениях современных людей, поднявших по своей гордыне войну против Бога. К ним относятся слова проповедника веры преподобного Космы Фламиата, сказанные еще в 1850 году. Он предупреждал наших предков, что нужно быть осторожными, потому что лукавая Англия со своим масонством за сто лет заставит совершенно уйти Владыку Христа из этих краев освобожденной Эллады. Лукавые англومان скажут Господу: «Ступай к Себе на небо», – и будут изрыгать хулы, и принуждать верующих греков к тому же.

Эти слова преподобного остались неслышанными. И в наши дни мы видим, сколь легкомысленно относятся люди к слову Евангелия Христова.

Наставники нас учили по примеру Елеазара, слуги Авраама, которого тот послал в Месопотамию за Ревекой, женой для Исаака. Он подошел к источнику и сказал: «Боже мой, Боже мой». Наши учителя, когда мы были совсем маленькими, не просто говорили: «Боже мой, Боже мой». Они хотели, чтобы в наших сердцах ожила любовь к Богу. Поэтому они велели, преклонив колена перед алтарем и воздвигнув руки ввысь, произносить: «Боже милостивый мой, Боже родной мой».

Так нам объяснял учитель, но в час молитвы вошел директор и сказал, что нужно молиться теми словами, которые записаны в книге, и никак иначе. Учитель замолчал, а когда директор ушел, учитель обратился к нам, хотя мы были еще маленькими, с речью, которую я помню до сих пор:

– Чада мои, мы – православные христиане и должны хранить нашу веру, православную веру отцов, потому что ее многие преследуют. Мы видим в наши дни, что почти все православные люди во всех странах погнали Христа прочь из своей повседневной жизни. Только немногие чтут Христа и любят Его.

Когда стало распространяться коммунистическое мировоззрение, в Греции были в свободном обращении и коммунистические, и антикоммунистические книги.

Наши отцы еще знали поучения святого Космы Фламиата. Как современно звучат все его слова!

Когда мы были юными, нам раздавали хорошо изданные коммунистические книги о том, что с нами поступают несправедливо, потому что мы трудимся, а нам платят недостаточно. Там объяснялось, что эти несправедливости чинят не только с нами, но и с нашими родственниками.

Но церковные знакомые, преданные вере, раздавали нам детские книги, укреплявшие в благочестии и в непорочной вере. Эти книги были поддержкой и опорой всему нашему богоспасаемому народу.

Однажды мне дали почитать две книги. В одной из них рассказывалось, что как-то в Германии, в Берлине, один коммунистический преподаватель собрал всю молодежь, и даже детей, и стал их учить атеизму, ставя все с ног на голову, и говорить, что Бога нет. Он сказал, что, если мы допустим, что Бог есть, нам придется Его слушаться.

Юные собеседники, которым было от 12-ти до 15-ти лет, ответили ему: «Зачем нам быть учениками Вольтера и Дарвина? Мы – христиане, и Бог есть. Идите отсюда, несчастные люди».

Таким образом дети переспорили атеистов. Поэтому-то и коммунизм в Германии наступил не сразу.

Мы должны благодарить Всеблагого Бога за то, что Он исполнил Свое обетование: Любящие Меня любимы Мною и проведут свою жизнь без притеснений, если потерпят малую скорбь от злонамеренных людей ради имени Моего.

Вот, вкратце вам пишу, чтобы никогда не забывали о своем спасении. Чтобы слушаться Владыку, нужно внимать Ему и просить Его и Пресвятую Богородицу защитить вас. От этого и души ваши обретут спасение, и наш греческий православный народ выйдет на стезю блага. Вы ополченцы Святой Соборной и Апостольской Церкви Христовой, – так совершайте же подвиг ради спасения ваших братьев. Пусть за ваш благой пример и за ваше смиренное обращение с братьями Пресвятая Богородица удостоит вас, молитвами святого Григория Паламы Фессалоникийского, стать истинными Ее чадами. Таким стал святой Николай Кавасила, написавший глубокомысленнейшую книгу о страшных Христовых Тайнах.

Житейских дел не обсуждайте, а обсуждайте лучше книги отцов-пустынников, которые совершали подвиг, отдали кровь и приняли дух, а также книги их учеников, записавших изречения, в том числе и эти слова: *дай кровь и прими дух*.

Прошу молитв.

Об аттических отцах

Возлюбленное чадо Господа нашего Иисуса Христа, радуйся неизглаголанной радостью из мертвых восставшего Господа нашего и, радуясь, ликуй блаженной святой жизнью во Христе. Ибо к ее светлому любомудрию тебя призвала вселюбовь Христова!

Напишу тебе то небольшое о спасении, что сохранил мой смиренный разум и память и что позволит мне Господь ради твоего священства. Итак, послушай.

До вторжения турок в Афины на колоннах бывшего храма Зевса Олимпийского жили отцы-столпники. Они не нуждались ни в чем материальном, но были как ангелы, носящие земное тело. Наши отцы-афиняне, взирая, какой высоты бесстрастия, прозорливости и проницательности достигли эти столпники, оставили все и стали в окрестных горах Аттики совершать подвиг безмолвия. Они спрашивали столпников, какую жизнь следует вести в отшельничестве, и те разъясняли им все подробности.

Поучения и подвижнические обычаи этих столпников были сохранены для нас в преданиях наших отцов. Они совершали свой подвиг, проживая в одиночестве и порицая самих себя, всякий раз говоря, что они недостойны жить среди людей. Отцы боялись, что нахождение среди людей может послужить препятствием любви Божией. Уединение учило их смотреть на себя, как на зловонные отбросы. Если кто-то подходил к ним и просил дозволения поселиться рядом с ними, они воспрещали ему, говоря богомудренно: «Яко Ты, Господи, наедине в надежде вселился в меня»⁵. Но если пришедший человек настаивал и долго просил, то они позволяли поселиться рядом и учили его, что безмолвие – это средство отказаться от любой страсти, даже самой малой. Все наши отцы разумно вершили безмолвие и так достигли меры высочайшей святости.

Мы и сейчас можем видеть следы их уединенного делания – на всех окрестных аттических горах есть скиты, которые обычно называют «ульями»: ведь их обитатели вкушали мед безмолвия, который услаждает душу, заставляя ее совершенно забывать о своих притязаниях.

Многие из них позднее ушли на Афон и, как отменные труженики, возлюбившие сладость безмолвия, стали великими учителями для своих сверстников на Афоне. Афонские монахи, когда хотели обозначить, что поучения старца очень славны, говорили: «Вот как сказал отец из Аттики». Люди, слыша: «из Аттики», сразу же становились внимательнее к поучениям, потому что видели в них практическое применение созерцательной жизни.

Наши отцы читали пространную редакцию жития святого Марка Подвижника и дивились, как он, совершавший подвиг безмолвия один в горах Аттики, перешел «не-мокреными ногами» моря, дойдя до Египта. Когда, по Промыслу Божию, люди там о нем узнали, преподобный Марк их спросил: «Есть ли сегодня такие, которые скажут горе сей: *поднимись и вверзись в море?*» – и сразу же сам привел в движение гору, стоявшую перед ним, и она бы уже обрушилась в море, если бы святой не сдержал падения.

Поэтому, если желаешь спасения своей душе, всегда будь молчалив. Никогда не гневайся, пусть в тебе правит ум, и во внутреннем делании всегда вспоминай: *Блаженны краткие, ибо они унаследуют землю.*

Послушай о событии, которое записано в книгах отцов. В одном монастыре было множество братьев. Один из них попросил игумена разрешить ему отправиться в пустыню для безмолвия. Игумен же воспретил, сказав богомудренно:

⁵ См. Псал. 4, 9.

– Ты, чадо мое, хотя и пришел в монастырь, но не приложил еще никаких усилий к тому, чтобы изгнать гнев и ярость из сердца. Поэтому не отпускаю тебя туда, где тебе станет хуже.

Но монах продолжал просить игумена, и наконец, после многочисленных уверений, тот отпустил брата со словами:

– Возьми этот сосуд, он тебе послужит.

Монах взял сосуд и отправился в пустыню безмолвствовать. Первый раз он набрал воды и успокоился. Второй раз вода размыла почву под дном сосуда, и сосуд не стоял прямо, а это брата раздражало. На третий раз совсем нельзя было установить сосуд. Брат разгневался и разбил сосуд. Когда он одумался, то вспомнил слова игумена, что он не готов к такому подвигу. Вернувшись в монастырь, он попросил братьев не смеяться над ним, не попрекать его и не дразнить: «Расскажи, как ты разбил сосуд». И наконец, он исправился, ибо «не место, а нрав исправляет человека».

Всякий человек, желающий спастись, должен быть терпелив, повиноваться уму, очищать душу от страстей и направлять ее к естественным добродетелям, возводящим к любви и стремлению к Богу. И ты, если хочешь стать монахом, будь терпелив в миру, потому что в монастыре понадобится еще большее терпение. Соделай хотя бы это – и сам увидишь пользу, происходящую из кротости. Всеблагой Бог назвал блаженными кротких и безмолвных.

Помолись Богу и за меня, гневливого.

Старица Синклитикия

В храме Пророка Елисея прислуживали и монахини из святого монастыря Преподобной Филофеи Афинской. Они совершали подвиг по домам, потому что король Оттон вместе со своими баварцами упразднил этот монастырь, как и множество других обителей по всей Греции.

Среди монахинь, приходивших в храм помочь, была Синклитикия. Она приняла монашество, будучи еще совсем юной. Духовником ее был отец Мефодий. Жила она в большой строгости: питаясь только сухарями и запивая их водой. Хотя мне было совсем мало лет, я запомнил ее в храме Пророка Елисея. Она совсем иссохла от своего подвига и многочисленных болезней. Она никогда ни с кем не разговаривала, но всегда молилась, чтобы не лишиться сердечного собеседования с Триипостасным Богом и проистекающих из этого духовных благ, которых она сподобилась еще в молодые годы, живя в монастыре Преподобной Филофеи.

Я, маленький мальчик, смотрел на эту монахиню и дивился ей. Только один раз она мне сказала несколько слов, что бывало крайне редко, – и то ради особой духовной пользы:

– Можешь ли ты один погасить огонь, который развел селянин для сжигания терний на поле и подготовки его к пахоте? Также невозможно погасить и пламя любви к Богу, которую стяжали наши отцы в этом богохранимом городе Афины.

Тогда я не понял смысл этих слов: я был слишком мал. Но, когда я отправился на Святую Гору и в скиту Праведной Анны стал послушником блаженной памяти старца Онуфрия, чада отца Мины, старец разъяснил мне, что такое «пламя любви к Богу», о котором говорила монахиня Синклитикия.

Когда настал час смерти старицы Синклитикии, то единственный грех, который смогли предъявить ей бесы, состоял в том, что однажды она выпила две чашечки кофе, и то без сахара, и более ничего. Обретя столь великую свободу, старица Синклитикия возшла на небеса и ликует вместе с преподобной Филофеей близ Чертога Христова.

Король Оттон и королева Амалия

Пирей не был таким, какой он сейчас. В нем не было стольких домов и стольких людей. Сначала в нем жили в своих хижинах люди, переселившиеся с островов Эгина, Идра, Спетсии.

Король Оттон, исповедовавший протестантизм, решил построить в Пирее церковь своей веры. Островитяне, стоявшие за Православие, не хотели этого, но король, вопреки их воле, велел строить церковь, – ту, которая сейчас во имя Святой Троицы, с приделом Святого Георгия. Наши предки поняли, что этот неправославный король хочет забрать себе церковь монастыря Святого Спиридона. Поэтому они объявили королю войну, сказав, что если он не перейдет в Православие, они убьют и его, и королеву Амалию. Король счел, что это детские угрозы, но говорили с ним отнюдь не мальчишки, а православные христиане. Возмущение святых подвижников достигло стен Анаплия⁶.

Сел король на пароход (а тогда у пароходов были колеса с лопастями вместо винта и их поэтому называли «крылатыми»). Пароход прибыл в Пирей и пристал в бухте Святого Спиридона, потому что гавани тогда еще не построили. Отцы закричали: «Не бывать здесь западной церкви! Мы православные! Пусть иностранцы будут в другом месте!» Посрамленный король поднялся на пароход и с позором покинул Пирей.

Латиняне тем временем, несмотря на возражения, построили свою небольшую церковь на углу улиц Филона и Нотараса. А ту церковь, которую строил Оттон, православные освятили во имя Святой Троицы, чтобы постыдить латинян. Наши отцы-престецы говорили, что Святой Дух от Отца исходит и на Сыне почивает.

Мне об этом рассказывал, когда я был еще маленьким, дядя, уже совсем ослепший. У него из глаз текли слезы, когда он говорил:

– Как тело не может жить без души, так и мы, ромеи, не можем жить без православной веры.

Все эти воспоминания я сохранил и передаю вам, чтобы успеть до кончины.

⁶ Анаплий (правильно Навплион) – первая столица греческого королевства.

Монастырь Святого Спиридона и церкви Пирея

В Пирее, прямо на морском побережье, находится большой монастырь Святого Спиридона, который в 1821 году наши отцы использовали как арсенал. В этот монастырь ходили наши поработанные предки, прося Пресвятую Богородицу освободить Свой народ от рабства. Большая глиняная чаша из монастыря и сейчас хранится в доме нашей свояченицы Илиадены.

Этому монастырю принадлежали земли до самой горы Каравы, где находится монастырская метохия вокруг церкви Живоносного Источника. В этой церкви была чтимая икона святого Димитрия, которая, начиная с вечера праздника святого Димитрия и до вечера следующего дня, святого Нестора, источала елей. Поэтому святую икону прозвали Святой Димитрий Елеоточивый. Эту икону считали своим знаменем освободители Греции от турок. Баварцы, которые пришли сюда и упразднили монастыри, не верили в чудеса. Они заперли икону в отдельной комнате, но из нее все равно ночью побежал елей. А затем все монастырское имущество было описано и конфисковано, и где сейчас эта икона – никто не знает.

Ниже, где проходят трамвайные пути, стояла церковь Святой Параскевы. Эту церковь снесли и построили завод, чтобы делать гвозди. Но люди увидели старицу – это была сама святая Параскева – и, устранившись, не пошли на работу. Завод закрыли, и с тех пор он стоит запертым.

Рядом с церковью Живоносного Источника есть пещера. Там поселилась благоговейная и богобоязненная монахиня из Константинополя – Анастасия. Она собрала со всей округи нищих детей и стала учить их грамоте. Но ненавистники монашества, опасаясь, что монахиня начнет всех призывать к иночеству, стали гнать ее, обвиняя в колдовстве и гаданиях, и закрыли церковь. Одни хозяева церкви увидели Пресвятую Богородицу, и, убоявшись наказания, зажгли свечу перед святым престолом.

После этого из Иерусалима прибыл монах Мелетий, совершавший непрестанную молитву. Взирая на его добродетель и самопринуждение, благоговейные люди Пирея приняли его, и он поселился в пещере. После введения западного календаря, он, находясь как иерусалимский монах под защитой патриарха, свободно ходил по всем храмам и домам и утверждал христиан в правых догматах и преданиях Единой Святой Соборной и Апостольской Православной воинствующей Церкви.

Потом занедужила нищая и болезненная монахиня Евпраксия, но ей негде было жить. Ее взяла себе землевладелица, госпожа Яннина, и поселила в пещере при храме Живоносного Источника. Когда монахиня была уже при смерти, она позвала благоговейных иеромонахов совершить соборование. Когда же отец Евгений Дионисиатис и отец Артемий из Ксиропотама вошли и обнаружили святой престол, то возликовали от радости: «Что же это? Что же это?» Монахиня рассказала обо всех событиях и в конце прибавила: «Извещена, известена». То есть она видела Пресвятую Владычицу Богородицу, известившую ее обо всем.

Произнес отец Евгений и такие пророческие слова: «Святой Григорий Богослов нашел в Константинополе небольшую церквушку и из нее возвещал святое Православие, и благодаря этому мы сегодня православные. И из этой пещеры с церковью Живоносный Источник (там бежит святой источник и до сего дня), метохии упраздненного пирейского монастыря во имя простеца святого Спиридона, проповедовавшего Православие с помощью плитки⁷, будет по всему миру проповедано святое наше Православие».

Так и случилось.

⁷ В его житии говорится об изъяснении святителем Спиридonom на I Вселенском Соборе таинства Святой Троицы на примере сырой керамической плитки (кирпича, плинфы), из которой при сжатии истекла вода и изшел огонь.

Священники из Пирея

В воспоминаниях у меня перед глазами стоят, как живые, все святые люди и их дела, которыми я восхищался с первых лет жизни. Я вспоминаю любовь наших отцов и плачу.

В Пирее было множество островитян. Приход храма Святого Николая состоял из общин жителей с Идры и жителей со Спетсиев. Там, где я воспитывался, проживали в основном люди с Эгины и община их называлась эгинской.

Священники так любили друг друга, так поддерживали, с таким благоговением относились к своим обязанностям, что не забуду этого, пока жив.

Священник нашего прихода родился на Эгине. Он охотно разрешал мне во время проскомидии подержать дискос, на котором лежали две просфоры. Эти просфоры он брал прямо со святого престола и с умилением давал мне подержать. Как только я брал в руки просфору с изображением святого копья, слезы рекой источались из глаз моих. Священник начинал проскомидию во время чтения канонов, а заканчивал на великом славословии. Мне он говорил: «Ты видишь, чадо? Просфору можно разломать пополам, поэтому она означает две природы Господа нашего Иисуса Христа – божественную и человеческую. Она круглая – то есть обозначает безначального Бога, ибо, как круг не имеет ни начала, ни конца, так и Бог вечен и бесконечен. Всесвятой Бог ради спасения человечества воплотился и стал Человеком, не отступив от Своего Божества. Он воспринял плоть от Пречистой Присно-девы Пресвятой Богородицы. Просфора символизирует и Ее всесвятую утробу, из которой неизреченным образом изошел Господь наш Иисус Христос. Поэтому из этой просфоры изымается только одна частица-Агнец, и больше никакая. Священнику строго запрещено служить на одной просфоре.

Из другой просфоры вынимается частица в честь Пресвятой Богородицы. Эта частица треугольная, ее возлагают прямо рядом с Агнцем, с правой стороны, что означает любовь Пресвятой Богородицы к Богу и Бога к Пресвятой Богородицы – второй по славе после Святой Троицы. Поэтому все, чего ни попросит Пресвятая Владычица наша Богородица у Сына и Бога нашего, то сразу будет дано нам, многогрешным.

А слева от Агнца возлагаются девять частиц в честь девяти чинов ангельских, которые молят всеблагото Господа о спасении нас, грешных.

Ты видишь частицу над святым копьём: она – ради всех душ живых и умерших. Я слежу, чтобы все, кого поминаю, были православными христианами, чтобы они по всем правилам соблюдали установленные Церковью посты, в Сырную седмицу не ели мяса, потому что правило определяет: «Те, кто вкусили мяса в эту седмицу, пусть не причащаются весь пост, а приобщаются только на Пасху».

Проскомидия начинается с тех усладительных тропарей, которые читает на правом клиросе чтец Витивилий. Они возносят мою душу от земли и провожают ее на небо, в невещественные миры помыслов о Боге. Завершаю я проскомидию как раз на славословии, когда все уже собрались в храме, чтобы воспринять благодать и ощутить благоухание кадила Предложения, как и толкуется слово «проскомидия». Так же и твои дядьки-пастухи, оставив своих овец и коз, пусть обоняют этот прекраснейший фимиам».

Вот какие душеполезнейшие слова говорил мне священник. Столь сильным было его благоговение, столь огненной была вера и столь искушенной – любовь ко Владыке Христу. Не только он, но и все пирейские священники давали советы и наставления детям и вели их своим светлым примером по пути добродетели.

В храме Святого Василия служил благоговейнейший ученый священник. К нему прибегали, словно жаждущие елени к источникам водным, все жители Пирея, только бы услышать его проповедь. Когда принц Константин в день памяти святого Димитрия отвоевал

Фессалоники у турок, мы радовались всем миром. Но лицо отца Георгия было мрачным. Он сказал своим слушателям:

– Принесите мне газету.

Ему принесли газету. Он свернул ее, как воронку, и со слезами на глазах сказал, показывая на раструб: «Взгляните: этот широкий раструб – путь, по которому сейчас идут все люди. Блажен тот, кто идет здесь (и он показал на устье воронки), по темному и тесному пути Христовой нравственности. Люди будут жениться в четырнадцать лет и умирать в восемнадцать. Все изгонят из своих домов Христа и поставят дьявольское зеркало, что предсказывал еще Папулакос, выступая перед вашими родителями-островитянами. Я скоро умру, но обязан вас предупредить как клирик святого храма Василия Великого».

Эти слова до сих пор звучат у меня в ушах, и лица отцов никогда не изглядятся из моей памяти.

Отец Герман

(из письма)

Возлюбленные чада Владыки Христа, радуйтесь о Господе, Которому вы следуете от всего сердца.

Мы недавно прочли много книг, но особо, как во время впечатлительной юности, нас привлекла книга отца Германа под названием «Евангельская труба».

В конце нее он писал: «Теперь, вернувшись из изгнания, куда нас отправил Оттон, разрушивший, несмотря на общее недовольство, 450 монастырей Греции, мы возобновляем издание газеты «Евангельская труба»».

Мы были еще маленькими детьми, ходили в храм Пророка Елисея и там услышали от отца Планаса об этом святом муже – отце Германе.

Когда отец Герман, вернувшись из ссылки, сошел на берег в Пирее, пирейцы и афиняне подхватили его на руки и несли до самых Афин.

Он в конце каждой речи прибавлял: «И дурачки заговорят». И дурачки слушали его поучения и эту присказку – «И дурачки заговорят».

Когда шествие достигло рынка, где стоит храм Пресвятой Троицы на Пирейской улице, отец Герман вырвался из рук верных и подошел к акации. Этой весной листья на ней почти все опали и на каждой ветке осталось не больше шести. И, надо сказать, он заявил тогда: «Столько будет христиан, когда явятся дурачки».

Подумай теперь, кто эти дурачки?

Они живут в России, живут по всему миру и в благословенной Греции. Нас, христиан, мало, как листьев на акации, но истинные христиане всегда красуются благодатью, их силы не увядают, и они передают живительное исповедание другим. Всегда причащайтесь Святых Таин. Любите сердечную молитву, которую называют умной: она – привязанность вашего сердца к сладчайшему имени Господа нашего Иисуса Христа.

Как говорит святой Иоанн Лествичник: «Именем Иисусовым бичуй врагов»⁸.

Когда вы соделываете труд молитвы, тогда вкушаете ее сладость.

Сторонитесь человеческой суеты, ведь есть даже поговорка: «Скажи мне, с кем ты дружишь, и я скажу, кто ты таков».

Всегда внимайте обличениям и смиряйте себя перед другими.

Когда вы соделываете эту духовную работу, вы сразу видите ее пользу. Поэтому всякий раз тогда молитесь за меня грешного.

⁸ Лествица, 20, 6.

Афины вчера и сегодня

Один духовный наставник⁹ рассказал мне такой случай. Однажды вечером он ехал уставший из Коккинары с торбой за плечами, чему он научился у своего блаженного старца со Святой Горы. Только он сошел с автобуса в Афинах, уставший, голодный, согбенный от изнеможения, как начался ливень. Все афиняне вмиг разбежались. Старец тоже забежал под козырек большого здания и там увидел двух мирских ученых, которые посмотрели на него с едва скрываемой усмешкой. Духовный человек в простоте сердца сказал им: —Добрый вечер. Все ли у вас в порядке? Они сделали вид, что не замечают его. Тогда монах продолжил:

– Как удивительно! Мир презрительно смеется над человеком, а человек в душе и осмеивает, и оплакивает этих мирян, потому что они даже не знают, куда нужно направляться, хотя живут в Афинах, в XX веке, получив там образование.

Ученые люди, услышав эти слова, изобразили полное равнодушие. Они стали даже не как дерево, ибо дерево подвластно огню, но – как камни. Монах начал говорить им, что он родом из Афин и что сидел в тех же аудиториях, в которых потом сидели они, когда он уже оставил и Афины, и всю мирскую суету. Также прибавил, что в годы учения преподаватель однажды взял его за руку и показал все важнейшие места и уголки святого града Афин, прибавив: «Когда ходишь по этим местам, вспоминай наших отцов, как они, голодая и изнемогая от бед, освободили святые Афины».

– Поэтому, – продолжил монах, – когда я прохожу по афинским улицам, склоняю голову и смотрю в землю, вспоминая заветы моих святых учителей. Я вижу, что вы сидели в тех же аудиториях, что и мы, но ваши парасанги совсем другие (он употребил это ученое слово¹⁰, чтобы они поняли, что он не ниже их по знаниям). Мы выучили, что мы – мужчины и наш внешний признак – усы. Вы носите усы? Вижу, что нет. Мы выучили, что святейшее создание Божие – женщина и что невеста столь же свята, сколь и таинственный Престол Божий. Мы изучили и общую, и церковную историю. Мы узнали, что тело человека без души мертво. И у каждого грека, тем более если он почитает себя образованным, есть тело – народ и его история, и есть душа – православная вера. Ради нее наши отцы шли на бой со словами: «За Христа, за святую веру».

Старец проговорил со своими собеседниками больше часа, и вокруг них уже успели собраться молодые люди, насмехаясь над всеми и отпуская непристойные шутки. Ученые не знали, что теперь делать, а монах продолжил:

– Видите, они сошли со школьной скамьи, не зная ни о святости, ни о святине. В нашей школе не было средств ни на окна, ни на двери, чернила делали мы сами из маковой соломки, а класс освещали одной свечой. Но люди выходили верующие, благоговейные, почтительные к другим. А теперь в тех же аудиториях сидят новые люди, у которых нет ни единой мысли о Православии и о Греции. Где теперь Иоанн Макрияннис? Где Гривас Пиреец? Где Караискакис? Они встали на борьбу за свободу Греции, они пролили кровь ради будущего страны, чтобы сохранился залог православной веры. Они знали, что вера – основа жизни всего нашего народа. Ведь он был в рабстве четыреста пятьдесят лет, но вышел из рабства с чистой душой, ибо соблюл душу и тело так, как велел Всеблагий Бог в Новом Завете.

Больше духовный человек ничего не успел сказать, потому что к толпе подошли полицейские и народ испугался «суда Линча». Поспешно удаляясь, ученые прокричали, обернувшись:

⁹ Речь явно идет о самом отце Хрисанфе. – *Примеч. греч. издателя.*

¹⁰ *Парасанги* – верстовые столбы в древней Персии. Это слово упоминается только у нескольких античных историков и поэтому неизвестно тем, кто не читал античную прозу.

– Нет, вы видали?! Мы вдвоем подошли посмеяться над одним, а он теперь сам над всеми посмеялся.

Дед Димитрий, могильщик

Первым пирейским кладбищем было кладбище Святых Бессребренников, – немного выше, чем церковь Преображения. Когда было гонение, священники, чтобы возместить расходы, велели в храмах продавать свечи. Раньше свечи не продавались, их приносили богомольцы. Тогда я еще никого там не знал. Блаженный старик Димитрий каждую субботу вечером приходил на площадь в Пирее, и все ему подавали пятаки на церковные нужды (было это в 1903 году). Как-то к нему подошел полицейский и повел его в участок, а тот весело сказал полиции:

– Ну что же вы, ребятки, братья мои, – я же на церковь собираю. Вы сами знаете, что ем я только хлеб, пью только воду, живу в каморке, где молюсь пред иконой святых бессребренников о вашем здоровье.

Но безжалостные полицейские избили его так, что синяки по всему телу были чернее его рясы. Об этом узнал весь пирейский базар, где его почитали, и пирейцы пошли в полицию и вызволили старика. Он пришел к моей бабушке, возжигательнице светильников, и они поговорили на арванийском диалекте¹¹, потому что родом он был с Пороса. Преисполненный радости (а печальным он никогда не был), дед воскликнул:

– Госпожа Василена (так звали мою бабушку), мне не жаль, что меня избили; жаль только, что изъяли деньги, собранные на храм.

Однажды вечером мы сидели, и нам сообщили, что дед Димитрий скончался.

Помню, как он лежал в церкви Святых Бессребренников с венчиком на голове, на двух досках, накрытый белым покрывалом. Помню его лицо, и до сих пор стоит перед глазами, как оно светилось, будто яичная скорлупа. Когда его опускали в могилу, все говорили:

– Как счастлив сейчас на небесах дед Димитрий! Святой смертью умер и теперь молит Бога за нас.

Был там Иоанн Лирида, бакалейщик из старых Коккиний, который взял с собой карандаш и лист бумаги и набросал на листе лицо умершего, подписав: «Это отец Димитрис, умерший ради любви Христовой».

¹¹ Эпирский диалект, впитавший множество слов албанского языка.

Лука Бефаний, подвижник

Братья христиане, послушайте о дивной добродетели и благочестии наших отцов, живших в турецком рабстве, говоривших даже не по-гречески, а по-албански, но удостоенных за простоту души дара прозорливости.

На Виллийском берегу в Аттике, в месте, называемом «Псафа», можно увидеть руины монастыря, некогда освященного во имя святого Иоанна Златоуста. В окрестностях этого монастыря были сделаны пещеры. В одной из них совершал подвиг святой человек, которого звали Лука Бефаний. Он удостоился дара прозорливости и говорил всем, кто к нему приходил:

– Будьте осторожны с чужеземцами: они придут и заберут все ваше имущество, и вы его им отдадите с письменным заверением...

И многое еще говорил, чего я уже не припомню.

Преставившийся подвижник стал желанным гражданином Царствия Небесного. Его мощи несли на себе явные знаки святости, но долгое время о мощах ничего не было известно из-за гонений, которые воздвиг на монастырь ненавистник монашества Оттон. Он не разрешал нашим отцам даже приближаться к подвижникам, творившим подвиг безмолвия в пещерах по всей Аттике.

Но Всеблагой Бог прославил Своего святого следующим образом. Где-то на Пелопоннесе один человек тяжело страдал от одержимости. Бес кричал, что не выйдет, пока не придут мощи святого Луки Бефания из Псафы в Виллиях. Как только мощи святого Луки привезли, бес закричал:

– Что тебе нужно здесь, Лука? Я не буду с тобой тягаться.

И как только болящий приник к святым мощам, бес вышел, не снеся божественной силы.

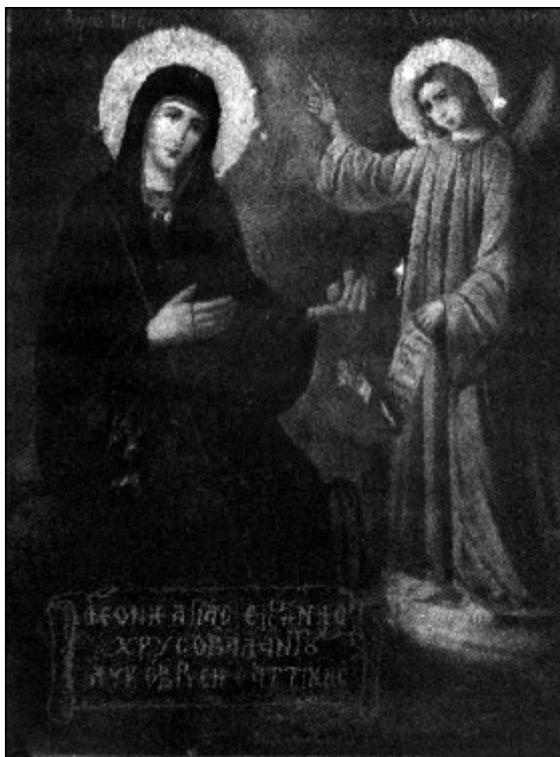
Сейчас в монастыре живет монахиня-подвижница, родственница святого Луки Бефания. В монастырь как-то привели одержимого, и бес закричал во весь голос:

– Послушай, монахиня! Дьявол много раз приступал, пытаюсь разрушить все твоё дело и прогнать тебя прочь, но ничего у него не получилось. Твой предок, Лука Бефаний, не даёт причинить тебе никакого вреда.

Мне не раз говорили, что призывавшие с верой имя святого Луки, – по его молитвам, получали от Всеблагого Бога все просимое. И я, как духовник людей, должен поведать об известных мне чудесах святого. Пусть все знают о славе новейших святых и понимают, сколь великие подвижники были и в нашем поколении и какое дерзновение перед Богом они обрели, о чем говорит святой евангелист Иоанн Богослов в Откровении.

Как был основан монастырь Святой Ирины Хрисоваладской

Вы спрашивали, как был основан монастырь Святой Ирины Хрисоваладской в Ликоврисии в Аттике. Многие молодые верующие хотели принять монашество. Среди них выделялись трое друзей, у которых, как говорится, была единая душа и все стремления совпадали. Эти ребята всегда были босыми. Когда их спрашивали, почему они ходят без ничего, они отвечали, что подражают Владыке нашему Иисусу Христу. Двое отправились на Святую Гору и стали монахами, а третий – епископом. Однажды один из них заболел и отправился в мир лечиться. Как-то он зашел на книжный развал и накупил там старых изданий. Среди них была книга, в которой подробно излагалось житие преподобной Ирины Хрисоваладской. С благоговением молодой монах взял в руки эту книгу. Читая житие, он не переставал удивляться чудесам, которые показывает Бог на Своих избранниках. Он стал молиться святой Ирине об исцелении. Во сне он увидел святую. Она вручила ему полную горсть гороха или леденцов со словами: «Не бойся, ты проживешь столько лет, сколько тебе сейчас передаю». Монах проснулся и стал чувствовать себя лучше. Прошло несколько лет, и он познакомился с другим монахом, родом с острова Сифнос, принявшим постриг на Хиосе. Его звали Иоанникий, и наш монах попросил, чтобы он написал небольшую икону святой Ирины. Заказал он образ преподобной и на Афоне, у иконописца старца Нектария из скита Праведной Анны. Его товарищ посоветовал написать на иконе ангела, который вручает яблоки святой. Этот чудотворный образ можно сейчас увидеть в Ликоврисии и узнать, как Всеблагой Бог, по молитвам святой Ирины, соделывает самые неслыханные чудеса, которым дивятся даже неверующие.

Чтимый образ святой Ирины Хрисоваладской

Ктитором этого монастыря стала беженка из Азии. Мать ее работала врачом, а когда она уезжала из Турции, лечившиеся у нее чиновники разрешили ей взять все драгоценности. Миновав таможню и прибыв в Пирей, она продала драгоценности и построила церковь, собираясь освятить ее во имя Святых Архангелов. Я не знаю, как было принято решение освятить церковь во имя святой Ирины Хрисоваладской, потому что тогда я был на Святой Горе.

Расскажу вам только о нескольких ее чудесах, виденных своими глазами, чтобы вы обнародовали их во славу великой святой.

Никто из вас не сможет счесть чудес, которые святая Ирина совершила через свою икону. До сего дня не прекращаются чудесные явления, и святая не перестанет исцелять прибегающих к ней даже до конца века, ибо и впредь к ней будут прибегать с великой верой.

Однажды ко мне пришел санитар и попросил отправиться с ним в Паша-Лимани, чтобы пособоровать больную девушку. Я вошел в дом и понял, что знаю эту семью, но не придавал этому никакого значения, опасаясь людских похвал. Я приблизился к болящей и, будучи с ней знаком, сразу попросил рассказать, почему именно меня позвали совершать соборование.

Она мне рассказала: «Я тяжело заболела. Меня посадили на самолет и отправили к родителям, потому что я была уже на пороге смерти. Когда меня оставили одну, я увидела старицу, стоящую передо мной. Она меня спросила:

– Девица, ты меня не узнаешь? Я ответила:

– Я вас не знаю.

– Мой дом находится в Ликоврисии, ты там спросишь про Ирину Хрисоваладскую, и все покажут, где мой дом, и проводят тебя. Там ты выздоровеешь».

Я совершил соборование и ушел, тронутый до слез. Потом я спросил санитаря, и он ответил, что девушка уже здорова.

В тот же год я сам тяжело заболел. Ко мне приходило множество посетителей. Среди них была монахиня, которая мне призналась на исповеди в сочувствии хульному помыслу о яблоке из монастыря Святой Ирины.

Я сразу вспомнил святую икону и те чудеса, которые творит Всеблагой Бог по молитвам святой Ирины. Я посоветовал ей гнать прочь из разума эти хульные помыслы, потому что их нашептывает нам враг наших душ.

Часа через два или три ко мне пришел брат навестить. Он принес с собой несколько яблок и сказал:

– Я проходил мимо монастыря Святой Ирины, и игуменья, узнав, что ты болен, дала мне эти яблоки и велела отнести их тебе.

Я сразу вспомнил про старую монахиню и спросил брата, когда именно дала игуменья эти яблоки. Он мне назвал как раз то время, в которое я посоветовал монахине не принимать хульные слова, произносимые мирскими людьми о яблоках святой Ирины.

Я пишу об этом, потому что я – самый старший из пирейских клириков и все знают, что я по собственной воле оставил мир и принял монашество. Все знают, что, по молитвам святого моего старца, я не оскорбил и своей юности, но самоотверженно принял на себя подвиги за Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. За это я претерпел и гонения, и ссылку, но до сего дня не думал ни о чем другом, кроме как чтобы никому не быть соблазном.

Я пока высокомерен, поэтому прошу прощения у Всеблагого Бога и только об одном молю – укрепить меня в правой вере в Него. Всем я рассказываю об этом, чтобы вы знали, что чудеса святой Ирины Хрисоваладской – не обман и мошенничество монахов, но дело Божие через присутствие святой. Святая Ирина при жизни удостоилась получить от апостола Иоанна Богослова яблоко, как и святой Мефодий Исповедник. Поразмыслите над тем,

сколь любила святая Владыку Христа, что удостоилась столь великой благодати и благословения.

Святой Савва Калимносский

Когда я был еще мальчиком, то отправился в Панкратий, в храм Вознесения – святую метохию монастыря Симонопетра, где тогда служил духовником отец Панарет, афонский монах из Катунак. Там же обитали два старца, происходившие из Лавры

Святого Саввы Освященного. Сначала они были отшельниками в Палестинской пустыне, а после отправились на Святую Гору, где поселились в Катунакии, в скиту Живоносного Источника.

У отца Панарета было только одно делание – давать всем уроки сердечной молитвы. Вся Греция приходила в афинский храм Вознесения, чтобы ему исповедаться. Число его духовных чад было не менее восьми тысяч. Каждый субботний вечер он служил всенощную, и все верующие молитвенники Пирея и Афин, измученные духовной жаждой, отправлялись к нему на службу.

Воскресным летним днем я увидел низкорослого человека с русой бородой. Распрямив спину, он сидел под сосной за алтарем. Моя душа возликовала, глядя на иеромонаха. Но по виду он был молчальником, и я не стал заводить с ним беседу, а мои товарищи, собиравшиеся стать монахами, смотрели в его сторону даже с робостью.

У блаженной памяти отца Панарета был послушник Никодим. Вот к нему-то я почтительно подошел и спросил, что это за старец присел отдохнуть за алтарем. Он мне ответил, что это отец Савва с Афона и что он занимается иконописью.

Святой Савва Калимносский, подвижник скита Праведной Анны

Благочестивые пирейцы, ведавшие о добродетели отца Саввы, принимали его в своих домах и там же исповедовались ему. Отец Савва служил литургию ежедневно – ведь в храме Вознесения как в метохии

Симонопетра положено было служить каждый день.

Уже на Афоне я узнал подробнее, кто такой блаженной памяти отец Савва. Он родился в Бугазе, недалеко от пролива Дарданел. Еще в молодые годы он пришел в скит Святой Анны

и стал послушником старца Авксентия-ложечника (он изготавливал деревянные ложки) в каливе Божией Матери.

Отец Савва был делателем сердечной молитвы, принуждая себя к ее сладости для созерцания Триипостасного Божества. Благодаря сердечной молитве он забыл обо всем и освободился не только от порочных, но и от беспорочных страстей – то есть не нуждался уже в сне, пище, крове над головой и тепле. Старец бывал во многих городах, расписывал храмы и писал иконы, но никто никогда не слышал, чтобы он брал деньги. Он служил литургию каждый день и особенно любил совершать служение в храме Вознесения в Афинах и в монастыре Святого Нектария на Эгине.

Никто не слышал, чтобы отец Савва с кем-нибудь разговаривал. Да и как ему начинать разговор, если в нем всегда обитала

Сама Святая Троица, Бог наш, к Которому он должен был обращаться словами Песни Песней: «Ты сладость всех возлюбленных Тобой и вожделение ненасытимое»¹².

Калива Успения Пресвятой Богородицы, принадлежащая старцу Авксентию. Здесь святой Савва принял постриг

Не было среди людей свидетелей его таинственных подвигов. Но Всеблагой Бог, одаривший его святостью, показывает нам, что всякий человек, возлюбивший Бога, вступит во врата Его Царствия. Бог не допускает, чтобы тело, которое было союзником во всех его подвигах, было отдано в пищу червям – поэтому мощи святого пребывают нетленными, чтобы все христиане с благоговением поклонялись им и получали, по молитвам святого, все просимое, если оно для них полезно.

¹² См. Песн. 5, 16.

Надгробие в Кератсинии

Когда мы были детьми, в Пирее правила добродетель. От наших бабушек мы ничего не слышали, кроме того, что нужно молиться, чтобы не огорчить Христа. Примером для нас был святой Константин с острова Идры и святой Пантелеимон с острова Спетсес. Впечатления о них память хранит с семилетнего возраста.

Моя прабабушка происходила с Эгины и была дочерью Петрены Алифантис. Она хотела принять монашеский постриг, но ее похитили и против воли выдали замуж. Страх Божий наполнял всю ее душу. Тридцать пять лет она проработала возжигательницей лампад и светильников в храме

Преображения Господня и ни разу за все эти годы ни устами, ни рукой не попробовала елей на вкус. Ведь она никогда бы не посмела притронуться к церковному имуществу.

Мне и всем детям в округе она давала наставления и лечила детей, потому что у нее было медицинское образование. Денег за это она никогда не брала, приговаривая:

– Брали бы святые бессребреники, и я бы брала.

И дома, и в церковных стенах она учила нас заповедям Христовым.

Однажды с острова Тинос прибыла монахиня. Она спала на досках, чтобы ночью не ослабить духовный подвиг. На примере этой монахини нас воспитывала прабабушка и посылала помочь людям, преисполненным любви ко Христу. Она нам говорила:

– Пойдем, дети, к госпоже Константине Карайянидис, посмотрим, что она делает.

Мы подходили к ее окну и видели, что она стоит на коленях, молится, совершает земные поклоны.

Потом прабабушка говорила:

– Если хотите войти в рай вместе с ней, следуйте путем святых.

Однажды мы сидели все вместе и бабушка мне говорит:

– Чадце, выполни одну мою просьбу: сходи к церкви Святого Георгия в Кератсинии, где стоит гроб.

Босиком, забыв о том, что был голоден, я со всех ног побежал смотреть на этот гроб. Я все увидел. Но старшие меня заметили и завели со мной беседу. Они сказали мне:

– Мы знаем, почему ты сюда пришел. Послушай: сюда приходит типограф, который получает поденную плату и каждый вечер идет и раздает заработанное нищим семьям. Он ходит осторожно, чтобы его никто не заметил. Затем он в темноте приходит сюда, снимает с себя одежду и оборачивается в саван. Всю ночь он не спит. Как только начинает рассветать, он одевается и тайком уходит. Никто не знает о его подвигах, кроме его духовника.

Узнав о таких необычных вещах, я все рассказал своей бабушке. Бабушка объяснила мне, что такое смерть, Страшный Суд и воздаяние. Пока я слушал ее, слезы не переставали литься из моих глаз – я уже ни о чем не мог думать, кроме как о смерти.

Вот такими были люди в Пирее. Как только колокол бил в пять часов, церкви сразу заполнялись молящимися святыми людьми. И когда читали шестопсалмие, все рыдали, вспоминая о гробе в Кератсинии.

Наум

Я шел вдоль Пирейской гавани и увидел человека, который хватался то за правую щеку, то за левую. Лодочники думали, что он сумасшедший, другие его оскорбляли, иные били его или кидали в него камни, крича: – Наум! Наум! Наум!

Он терпел все это, словно ничего не случилось. Что же так захватило этого загадочного человека с его непостижимым терпением?

Его жизнь понимали священники из Пирея, часто с ним беседовавшие. Они ведали его тайную добродетель.

Я ни разу не видел, чтобы он ел или садился отдохнуть. Чем он пробавлялся, только он сам знал. Он всегда ходил одной дорогой: от таможни до площади Караискакиса в Целепи и обратно. Так, ежедневно ходя по одной и той же дороге с утра до вечера, он проделывал очень большой путь.

Когда я в детстве увидел этого человека впервые, то мне так стало любопытно, что я побежал к бабушке и спросил, знает ли она человека, которого называют дурачком. Она со слезами на глазах мне ответила:

– Малыш, пока я тебе ничего не могу сказать, но когда подрастешь, поймешь, что все труды этого человека – плата за райское блаженство.

Наум неожиданно исчез, явив всем свое таинственное делание. Все вдруг поняли, почему он так себя вел. Все переговаривались о том, что видели, и соглашались:

– Все это – таинственное делание Наума, теперь отведавшего райское блаженство.

Иоанн Босой

В пирейских церквах часто прислуживал один рослый человек, которого звали Иоанн. Говорили, что когда-то он был разбойником в Эгелее. Он был знаком с Константиной, матерью Карайянидиса, и со многими другими христианами, для которых он явил святой пример жизни в Боге и любви к Нему. Свят был день, когда он обратился к Богу и Отцу, вернувшись в любящие объятия и постигнув всю высоту любви Божией. В нем произошла крутая перемена, он исповедовал все совершенные им грехи, не переставая плакать и стенать.

Когда я его впервые увидел, он уже не отлучался из церкви. Он первым приходил на службу и больше всех работал в церкви. Несколько раз его забирали в суд, чтобы рассмотреть совершенные им преступления, но отпускали, видя произошедшую в его жизни перемену. Его «я» после покаяния стало другим. Он не носил уже рубища греха, но был облачен в новую одежду – убеленную и просветленную слезами покаяния. Пищей ему был антидор, и слез он проливал больше, чем выпивал воды. Я вспоминаю его и дивлюсь, как человек мог выдержать ту жизнь, которая была бы не по силам даже подвижникам в Каруле на Святой Горе. Он прибегал, как жаждущий елень, к духовному источнику древнего монастыря Святого Спиридона и не пропускал ни одной службы. Всю службу он стоял, не присаживаясь ни разу, а после литургии молча брал антидор и уходил. Этот человек был живым таинством. Все, что он говорил устами, исходило из самой его личности, точно отразившей таинственную область его благословенной души. Все восхищались его ангельской жизнью и невольно говорили:

– Этот человек – образец добродетели в наш непростой век.

Он ходил на русское Воскресенское кладбище и размышлял на могилах о суетности мира и о грядущей вечной жизни.

Внезапно он скрылся у нас из виду. Никто не знает, куда он отправился, унеся с собой свою тайну. Известно только, что сейчас этот бывший разбойник уже в Царствии Небесном, которое стяжал покаянием, как добрый купец.

Все жители Пирея знали его имя и часто вспоминали о нем.

Пресвятая Богородица Громовая и святой Стефан Пирейский

Во времена турецкого владычества остров Саламин не терпел никаких зол, потому что его защищали явленная икона Пресвятой Богородицы и мощи святого Лаврентия. Даже самые малые церквушки возводились на острове после какого-то чуда. Недалеко от храма Святой Параскевы есть церквушка, названная в честь Пресвятой Богородицы Громовой.

Когда турки бежали и наш богоспасаемый народ получил свободу, это место стало вожделенной добычей государственных разбойников, которые добились от королевского правительства передачи им всего монастырского имущества. На Саламине были просторные монастырские здания, и их отправились захватывать силой. Но только подошли к церквушке Пресвятой Богородицы, как услышали сильный удар грома. Они так испугались, что убежали и потом всем рассказывали о происшедшем с ними. После этого события церковь была перестроена, расширена и именована в честь Пресвятой Богородицы Громовой.

Когда я был маленький, то ходил прислуживать в церковь Святого Стефана Пирейского. В ее клире некогда состояли два святых архиерея. Но к тому времени службы в церкви уже не было, потому что не могли найти священника. Женщины, ходившие мимо нее, слышали плач святых архиереев. Но как только в церкви возобновилась литургия, плач святых прекратился. Когда первая литургия во вновь открытом храме подошла к концу, прихожанки внесли в корзины большие грозди винограда и стали раздавать их всем присутствующим со словами:

– Берите виноград даром. Мы вам сто коробов даем, а в нашем винограднике тысячи соберем.

Такие люди были в то время, – не то что нынешние.

Святитель Нектарий и храм Вознесения

Когда я жил в Пирее в детские годы, люди с молоком матери впитывали страх Божий. Но иеромонахам с Афона не разрешалось к нам приезжать, потому что в Греческой Церкви, по воле государства, не поощрялась монашеская жизнь. Люди приходили в отчаяние, когда видели, в какой упадок приходит монашество из-за насильственного его подавления.

Благоговейная связь поколений начала прерываться, и немногие оставшиеся ревнители благочестия образовали общину храма Пророка Елисея. Однажды утром все вдруг с радостью услышали, что прибыл епископ с Востока, из Александрии, и что его зовут Нектарий. Настала пасхальная радость.

Тогда не было ни театров, ни кинематографа, и беседы по вечерам шли только об одном – о монашеской жизни. Все воспитанные дети, имевшие страх Божий, слушали эти беседы о монашестве и не смели выйти из комнаты.

Святитель Нектарий Эгинский

Вскоре прибыл епископ. Он обосновался на Эгине, и с ним прибыли тридцать монахинь, устроивших новый монастырь.

После этого события все больше людей стали задумываться о монашеской жизни, и некоторые даже забывали о повседневных делах. В 1909 году молодежь прослышала, что

в Панкратионе есть церковь Вознесения, в которой служат монахи с Афона. Все юные христиане, как жаждущие елени, отправились в церковь, подошли под благословение монахов и стали расспрашивать их, в чем суть монашеской жизни.

Надо мной в то время все смеялись за то, что я хотел стать монахом, и нигде я не мог обрести утешения. В этот год я ходил в храм Пророка Илии в Хаидарии. Там я познакомился с иеромонахом Паисием (в миру он был Никитой). Мы разговорились и выяснили, что наши мысли о христианской жизни очень сходны.

Мы стали регулярно ходить в храм Вознесения босиком, потому что были нищими. Афонцы в храме давали нам наставления и призывали к молитве. Но как молиться, мы их расспросить не успевали, потому что и молоды слишком были, и нужно было уходить после всенощной, чтобы утром выйти на работу. Мы тогда работали и по воскресеньям.

Неожиданно мы услышали от блаженной памяти Мораитидиса, певшего в храме Пророка Елисея, что человек во время молитвы должен плакать. Но способ молитвы он не объяснил, потому что был профессором и боялся потерять свое место. Однако мы, несмотря на юный возраст, многое поняли и стали плакать во время молитвы.

Когда митрополит Афинский узнал, что монахи из Вознесения дают молодежи читать книгу «Грешников Спасение»¹³, он велел немедленно выслать их из епархии, опасаясь, что в народе начнет распространяться влечение к монашеской жизни.

Позже в храме стал служить духовный муж Панарет из Катункии на Святой Горе. Он и объяснил способ сердечной молитвы.

Я молился, ибо совесть мне подсказывала, что молитва – как панцирь, который мы видим на святом Георгии Победоносце и святом Димитрии Солунском. Как враг не мог их победить никаким оружием, так и враг наших душ не может нас повергнуть и одолеть в чем-либо. Отец Панарет учил меня воздерживаться от встреч с людьми и безутешно плакать о своих грехах. Я научился даже на работе отходить подальше от людей и предаваться плачу.

Тогда премьер-министром стал Венизелос¹⁴, и повсюду начался разгул атеизма. Атеисты, вместе с которыми я работал, увидев, что я плачу, как-то раз окунули паклю в керосин, подожгли и бросили мне в лицо.

Но все же каждый воскресный вечер все благочестивые пирейцы со всех концов поселка собирались и обсуждали, как молиться, как терпеть насмешки и издевательства, как соблюсти устав постов и прочие вещи, столь значимые для нашего спасения. Старики, давно поселившиеся в Пирее, учили нас страху Божию и объясняли, как можно терпеливо перенести невзгоды. Они приводили множество примеров из недавних времен, и так мы узнавали о людях, умерших со страхом Божиим в душе и благочестием в сердце. Зримо представляя этих людей, мы всю неделю не печалились, как бы к нам ни относились, но радовались.

Повсюду в Пирее было много юношей, возлюбивших путь монашеской жизни. Тогда было принято решение о границах приходов. Поэтому, когда юноши собирались пойти в Вознесение, на приходе им говорили, что нечего собираться в монастырь, а нужно в миру создать хорошую семью. Так постепенно угасла любовь юных к монашеской жизни и только женщины сохранили тот первый порыв.

Исповедь в Вознесении в то время принимал отец Паисий. Зная, сколь ценна для нас духовная жизнь, он дал нам, пятерым, правило причащаться каждую неделю.

¹³ *Аганий Ландос*. «Грешников Спасение» (1641) – подробное изложение основ христианской аскетики и этики, построенное в виде проповедей и включающее в себя исчисление страстей и способов борьбы с ними, подготовку к исповеди и изъяснение заповедей, поучения о правильной христианской жизни и стяжании добродетелей, а также в приложении – сказания о чудесах.

¹⁴ *Венизелос, Элевтериос* (1864–1936) – греческий премьер-министр (1910–1933, с перерывами), реформатор экономики, основатель и лидер либеральной партии, во внешней политике ориентировался на Францию, в отношении к Православию был вольнодумцем и вел политику ослабления влияния Церкви на общество.

Монашество в Греции не было еще многочисленным, но его новый расцвет уже начался в те дни. Именно тогда на Афон прибыло множество людей из центральной Греции. Многие из них были бедняками, – как например, Георгий Манганарис и недостойный твой духовник, пишущий эти строки.

Как-то раз мы по молодости громко разговаривали на дороге и старики нам сказали:

– Будьте внимательнее, не разговаривайте громко, но только смиренно: вы же собираетесь стать монахами. Старайтесь всегда молиться, и когда молитесь, ум ваш должен пребывать в претории, где вы видите, как Бог всех претерпевает бичевания от Своих созданий, поругания от всех народов, кроме греков. Поэтому греки – единственный народ, предназначенный полюбить Его от всей души, ибо Бог уже открыл ему Свою душу.

Поэтому на молитве будьте внимательны, не допускайте мыслей ни о чем, только о Господе Боге. Он по собственной воле предал Себя во власть римских преторианцев, которые издевались над Ним до самой Голгофы. И Он понимал, как Человек, что терпит бесчисленные муки ради того, чтобы избавить от мук людей.

Будьте осторожны, когда беседуете друг с другом: говорите только об одном – о красоте Богочеловека Господа нашего Иисуса Христа. Если будете вспоминать о Нем в разговорах, станете хорошими монахами.

Пусть вас, чада мои, не смущает, что вы живете в Америке¹⁵. Поучения и советы, которые для вас записываю, позволят вам скорее достичь божественной любви. Вы можете стать замечательным примером духовной жизни для всех знающих вас православных греков. Они жаждут слово Божие, как жаждущие олени воду. Станьте, шесть ли вас, или семь, – добрым примером людям. Верую Владыке Христу, Жениху душ ваших, что вы станете таковыми.

¹⁵ Адресаты письма старца переехали в Америку в поисках работы...

Отец Гавриил Маликоцакис Кавсокаливит о заблуждении

Я был еще совсем молодым. Помню, всенощная в Вознесении еще не началась и отец Гавриил Маликоцакис, духовный наставник из Кавсокаливии, узнав, что все мы, прихожане Вознесения, собираемся отправиться на Святую Гору и принять там монашество, стал объяснять нам, что такое монашеская жизнь. Он сказал также, что монах, если не доверяет старцу все свои помыслы и тайно добивается добродетелей, не извещая об этом старца, может впасть в заблуждение.

Отец Гавриил рассказал нам, что один монах в Кавсокаливии решил совершать подвиг втайне от своего старца. В конце концов, диавол внушил ему, что он достиг меры совершенства, и он в это поверил, ничего не сообщив своему старцу.

Однажды зимним днем диавол ему сказал, что он достиг совершенного бесстрастия и поэтому должен подняться на вершину Афона и поклониться Святой Троице, как святой Максим Кавсокаливит.

Он вскарабкался на вершину Афона и увидел мнимое зрелище Святой Троицы, созданное перед ним бесом.

Духовник этого монаха был очень добродетелен и стяжал великое дерзновение перед Богом. И Господь, чтобы не огорчать его падением ученика, отверз душевные очи послушника, и тот увидел, как из лба мнимого «безначального отца» вырастают два рога. Тогда он понял, что впал в заблуждение, и, совершив крестное знамение, произнес:

– Велико имя Пресвятой Троицы. Пресвятая Богородице, спаси мя. Крест Христов, спаси мя силою твоей.

Представленное ему видение тотчас исчезло.

Промысл Божий сразу же известил старца о том, что произошло. Он тут же созвал отцов, они взяли лопаты, пошли на вершину Афона и вызволили послушника из снежной ямы.

Затем отец Гавриил разъяснил, что такое прелесть, – то есть представление бесами нам некоторых вещей. Его поучение я вспоминал со всеми подробностями уже когда жил отшельником в каливе Святой

Троицы и внимал, чтобы не впасть в прелесть. Также я советовался и со старцем Онуфрием, который велел мне всегда сторониться бесов, – ведь они могут ввести в заблуждение даже тех, кто одарен прозорливостью. А от других отцов я слышал, что лучше быть одержимым бесами, чем впасть в прелесть.

Не предупреди меня старец Онуфрий, я бы впал в бесовскую прелесть из-за моей гордыни. Что я гордец, понял мой друг Дионисий, достигший совершенного послушания. Когда я отправился в субботу причаститься, он мне сказал:

– Лучше ступай немедленно к своему старцу.

Что я стал гордым, поняли и другие отцы и начали меня порицать. Отец Нафанаил, духовник многих афонцев, сказал мне:

– Обязательно скажи своему старцу, отцу Онуфрию, чтобы он тебе дал съесть мясо в Великую Пятницу, только тогда, наверное, ты смиришься.

Так заступничество духовника и помощь со стороны всех скитских отцов освободили меня от прелести.

Метохия Вознесения становится маяком для ищущих монашеской жизни

Вседмицу святых жен-мироносиц ум мой обращается подле Гроба Спасителя нашего Иисуса Христа. Я думаю о том, как эти слабые и немощные женщины не испугались ни воинов, ни Пилата, ни книжников, ни фарисеев, ни толпы иудеев, возненавидевших Самого Господа нашего Богочеловека Иисуса Христа. Прежде всего я размышляю о любви святой Марии Магдалины. Увидев Воскресшего Господа, она, не переводя дыхания, побежала к святым апостолам, чтобы привести их, как жаждущих на водный источник, к Святому Гробу, дабы и они не лишились животворных крестовоскресных вод. Любовь не молчит, но всегда возвещает о своем исполнении.

Святые мироносицы для всех женщин стали примером не отступать от созерцания сладчайшего лика Спасителя Христа.

Против Христовой веры воздвигалось множество гонений, но женщины всегда становились путеводительницами, указующими другим путь девства. Они взирали только на Спасителя, имя Которого любимо всеми верующими в Него. А сколько женщин избрали монашеское жительство, преподанное святому Пахомию архангелом Гавриилом!

У нас в Греции в годы правления Оттона закрывали монастыри и заставляли монахов жениться на монахинях, и много другого зла причиняли. Современные историки подробно все это исследовали и описали.

Множество монастырей было уничтожено. Но в 1909 году, когда гонители монашества готовы были торжествовать новую победу, внезапно в Панкратионе прославилась церковь Вознесения Христа. Именно в ней стали рассказывать о монашеской жизни изжаждавшимся душам жителей Афин, Пирея и всей Греции.

Первым афонцем в Вознесении был построивший храм отец Нил. За ним прибыл со Святой Горы из Катунакии отец Яннис Димитриадис, послушник отца Даниила, вместе со своим родным отцом Иеронимом из Симонопетра.

Они стали читать проповеди об иноческом житии, и тотчас юноши и девушки стали жить у себя дома, тайно от всех, монашеской жизнью. Когда об этом узнали, против проповедников святости началось гонение. Они были вынуждены вернуться на Афон, в обители своего покаяния. Но в 1914 году из Катунак прибыл другой духовный наставник, отец Панарет, до этого живший в каливе Живоносного Источника. Но так как и он был выслан обратно на Афон, то монастырь Симонопетра решил прислать в метохию отца Матфея, который вместе с отцом Иеронимом совершал постриг монахинь на дому. Все эти монахини строго соблюли обеты, данные при пострижении.

Но и отца Матфея разными способами выжили из Вознесения. Усердствовал в этом какой-то прихожанин по имени Евангел, почти не скрывавший свою неприязнь ко всему монашеству и к отцу Матфею.

После этого отец Матфей основал женский монастырь в Кератье, монахини которого достигли святости. Они ушли из мира, дав зарок – отсечение собственной воли и собственного помысла.

Об одной из них я сейчас расскажу.

После очередного гонения на монашество она поселилась в миру. Стала прислуживать в обычном приходе вместе с другими монахинями. А среди певчих там был юноша, чей голос звучал, как у соловья.

Диавол, по своему обыкновению, стал обращать ее внимание на голос певчего. Но она ответила этому помыслу, молитвенно вспомнив Жениха-Христа: *Красен добротою паче сынов человеческих»*¹⁶.

После этих слов она вновь ощутила в сердце неизглаголанную радость. Всю литургию ум ее пел то, что она прочитывала: молитвы, тропари. Она услышала и сладчайший голос, сказавший ей:

– Я с тобой всегда, не бойся, но имей дерзновение ко Мне. Ибо Я Жених души твоей, Господь всех Небесных Сил, всего лика святых и прежде всего воинства Моего – тех, кто в ангельском чине. Поэтому говорю: не бойся и в час мученичества не страшись смерти, потому что смерть эта станет жизнью вечной.

Она благоговейно подняла взор и увидела икону Владыки Христа. Его всесвятый лик был исполнен радости и ликования.

Когда же она отправилась к причастию (а причащалась она, как велел духовник, постом в субботу, которая тогда была кануном Крестопоклонной, и в воскресенье), то почувствовала в своем сердце неизъяснимую радость. Душа ее взывала:

– Забери меня, Женише Небесный, забери меня.

В ответ же прозвучал голос:

– Совершай подвиг, чтобы изгнать из себя навсегда эгоизм, превозношение и надменность, приложив все силы, и тогда воспарит, как чистая горлица, в Царствие Мое Небесное.

Когда я услышал этот рассказ, то не мог слова вымолвить, а только размышлял о том, какие высоты мне открывало послушание, когда я был в скиту Святой Анны и слушал небесные поучения моего духовного отца Онуфрия. Теперь же, когда я опять в миру, не знаю, человек ли я или игра природы.

¹⁶ Псал. 44, 3.

Тяга к монашеской жизни

(из письма)

Я совершил множество зол – и телом, и душой. Молите Всеблагого Бога, чтобы Он спас меня Вашими молитвами.

Когда я был маленьким мальчиком, все меня гнали, называли сумасшедшим и пустым человеком из-за того, что я бросил работу на железной дороге, чтобы стать монахом.

Прежде всего на меня обрушились с преследованиями в Пирее семейства Врихоропулоса, Контраненаса и другие. Они были недовольны, что Елена и другие дочери богачей ходят учиться способу молитвы к босоному, всеми презираемому мальчишке, хотя тот и не говорил ничего от себя. Утешали меня только несколько человек из прихода Святой Софии, которые радовались, видя, как я беседую с их детьми. Эти дети потом выросли и стали монахами и монахинями.

Однажды презираемый всеми Христ взял свою котомку, с которой всегда ходил, и отправился через Колокинф в храм Святого Василия (где теперь кладбище), чтобы зажигать лампы. Он проходил мимо Лисьих Нор, – сейчас там Третье городское кладбище, а тогда росли лучшие виноградники. Вдруг он поднял глаза и увидел вдалеке двух высоких мавров. Он спросил про себя, как учил его духовник: «Ты наш или из чуждых?»¹⁷ – и начал творить умную молитву. После молитвы он обрел такую духовную силу, что смог поднимать тяжелые камни, которыми можно сразить любых врагов.

Потом он рассказал обо всем случившемся духовнику. Духовник ответил ему со слезами на глазах: «Понял ли ты смысл сказанного в Псалтири: *несть в смерти поминающий Тя?* Поэтому Всеблагий Бог и попускает нам видеть гнусных врагов, чтобы мы усилили сердечную молитву. Молитва – это панцирь духовной брони. Панцирь нельзя пробить даже пулями, потому что таковы его свойства. Умственный враг представляет чувственным образом разных людей, чтобы утратить нас. Но если на нас надет панцирь смирения и молитвы, все действия врага останутся только с ним.

Так и в час разлучения души с телом, если душа сильна в сердечной молитве, она будет радоваться и ликовать.

То, что ты претерпел, чадо, было по Промыслу Божию, чтобы божественная любовь наполнила все твое сердце. Помолись и за меня, жалкого своего духовника.

Молись с большой любовью Небесному Жениху нашей души Христу, чтобы Он пришел скорее и вселился в сердце наше со Отцем и Святым Духом».

Итак, с детства я хотел стать монахом. Народ Пирея не желал, чтобы я встал на этот путь. Более всего упорствовала семья нынешней игумении Евфимии: они так боялись, что их дочь тоже станет монахиней!

Я притворился сумасшедшим и таким образом избежал тех обязательств, которые на меня налагали.

Последним местом моей работы была аптека, где я продавал ароматные масла. В канун Лазаревой субботы я проработал двенадцать часов и ушел навсегда. Мне было тогда, наверное, лет шестнадцать. Я думал, что если освоюсь на работе, то уже не захочу уходить в монастырь.

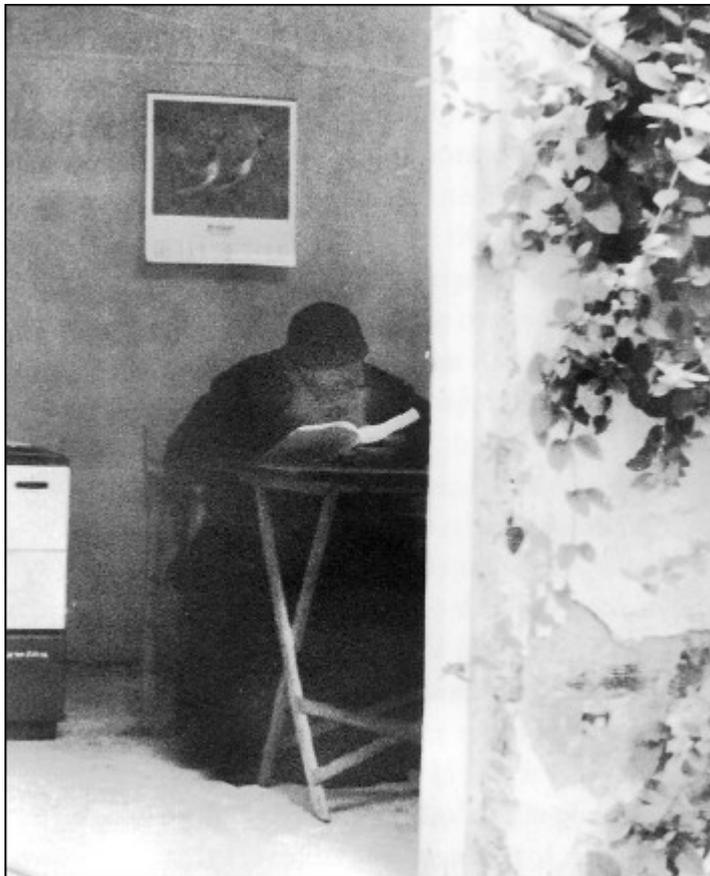
Я сказал «весь народ», но тогда народ в восточных областях был один, а в западных – иной. Меня уже издали увидели и осмеяли. Хорошо еще, что удалось продать одежду за двадцать пять франков.

¹⁷ См. Нав. 5, 13.

Я все оставил и прибыл в монастырь. Но по болезни глаз меня отпускали каждый год подлечиваться; я стал писать святыя иконы для городов и сел, где бывал.

Все, что я слышал на Афоне от отцов, то передаю юным душам. Прежде всего, я много знаю об игумении Евфимии, которая, благодаря смиренномудрию, достигла высочайшей меры. Ее родственники прилагали много усилий, чтобы мы никогда не виделись, но Всемогущий Бог устроил так, что мы даже беседовали с ней.

Часть вторая Афонские рассказы

Старец Хрисанф

Начало монастырской жизни

Монастырь Симонопетра

(из письма)

Чада Пресвятой Богородицы, радуйтесь, ибо вы – под святым Ее Покровом. Как раз в это время года я и прибыл на Святую Гору. Когда я взошел на пристань в Дафну, там стояло много отцов и они мне начали советовать разные монастыри.

Сначала я прибыл в скит Праведной Анны. Но уже на следующий день сел в лодку и меня переправили в Кавсокаливию. Отцам я сказал:

– Здесь я жить не буду, потому что первым монахом, с которым я познакомился в Вознесении, был монах Иероним, и я обязан поступить в Симонопетру.

В Симонопетре я оказался в понедельник. Увидев монастырь еще издали, я обрадовался, как ребенок. Но встретивший меня монах строго сказал: «Добро пожаловать», – и более ничего. Для меня уже была отведена комната, потому что игумен был заранее извещен о моем приезде. Мне дали молитвослов в издании Кофиниотиса, который и у вас на полке стоит, и я стал читать. В девятый час меня проводили в трапезную и выдали тарелку фасоли. После велели идти в архондарик, где показали монастырский устав и список обязанностей. Теперь мне нужно было выполнять служения, в молчании и в молитве. Также мне вручили записку, в которой было сказано: «Будьте внимательны. Вы, исконные жители Греции, сейчас расколоты: одни за Венизелоса, другие за короля. Если ты станешь говорить здесь о политике, – знай, что немедленно, в ту же минуту, будешь выслан из монастыря. А если какой-то брат заведет с тобой разговор о политике, ты обязан донести об этом игумену, и он заставит его во время полиелея на глазах у всех совершать тысячи поклонов. Кроме же политики, – если ты сел и рассказываешь брату о своих былых делах в миру, о влюбленностях и разных личных грехах и вообще, если оставишь свои уроки, то есть молитву и молчание, и забудешь о созерцании, толкуя, что олива была предназначена для Ноевой голубки, чтобы масло употреблялось в святом помазании, – тогда знай, что ни одной минуты здесь не продержишься. Здесь общежительный монастырь и нужно быть предельно внимательными, а то все рухнет и потонет прямо в море.

Балконы келий в монастыре Симонопетра

Также если ты находишься на служении в архондарике и придет мирянин или монах из другого монастыря и начнет заводить с тобой разговор, взвали свой мешок себе на спину и уходи прочь.

Отец Дамиан библиотекарь и отец Иероним дадут тебе все нужные советы о деятельной и созерцательной жизни. Они объяснят тебе, что все служения духовны и что в сложных вопросах исповедания веры (славословия) звон била призывает тебя благоговеино остановиться. Какая бы скорбь ни была у тебя, с разрешения игумена, или в его отсутствие заместителя, можешь идти в каливу Святого Симона и посоветоваться с духовником отцом Матфеем, а потом скорее возвращаться на свое служение».

Я видел, как все на «Изрядно о Пресвятей, Пречистой...» брали антидор и святую воду, а после вешали корзину на плечо и шли собирать оливки.

Помню однажды, когда закончилась литургия дня святого Мины, начало уже смеркаться. А служитель в чаше, за которой мы собирали оливки, оставил меня одного, думая, что иду за ним вслед. Стемнело так, что я не видел дальше носа. Я пошел вдоль ручья вниз по течению. Увидев с высоты море, подумал, что здесь будет пологий спуск, но вдруг упал со скалы в море, едва не разбившись. Я выплыл на какой-то валун. Помыслы мне говорили, чтобы я сел на рейсовый пароход, который идет мимо Афона в Афины, и отдохнул бы в Афинах от монастырских трудов.

Когда рассвело, я нашел тропинку и добрался до оливковой рощи в Кравасари, и в канун дня святого Филиппа вернулся в монастырь. С тех пор меня из монастыря не отпускали.

Я носил дрова из сарая на кухню, в больницу и в архондарик, и у меня очень болела поясница. Когда я роптал, что устал, мне отвечали, что никто меня здесь не держит. Месить тесто – я первый, убирать комнаты – первый, встречать русских паломников – первый. В общем, у меня не оставалось сил даже на стон. Когда я разговаривал с албанцами, все следили, чтобы я не поприветствовал тех на их языке «цебен». А после опять куда-нибудь посылали.

Такие строгие требования в те годы предъявляли монахам.

Однажды, неся вязанки дров на кухню, я познакомился с благочестивым братом, которого звали Никита. Был воскресный день, но игумен нашел ему работу. Брат заворчал: «Не могу работать по воскресеньям». Игумен сразу ему ответил: «Тогда за что тебе грехи прощать?» При этих словах Никита пал к ногам игумена и стал просить у него прощения. Но игумен даже не смотрел в его сторону, и все проходившие мимо работники видели, как брат прильнул к ногам игумена. После этого, не скрывая слез, тот простил его.

После другой брат спросил Никиту, почему не разрешают ни с кем вести бесед и зачем нужно повергаться к стопам игумена. Он ответил так:

– Я видел тень мавра, который хотел похитить мое сердце и войти внутрь меня. Но как только я пал к стопам игумена, мавр лишь проскрежетал зубами и со словами «Бог милует тебя» исчез с моих глаз.

Все это я запечатлел в своем сердце. Был ли я уставший, или голодный, или вшивый (а вшей у меня в волосах было много из-за налетевших зерен, которые я не решался вычищать), я никогда не смел возражать ни одному из восьмидесяти монахов, куда бы кто меня ни направлял и ни привлекал.

На монастырском послушании

Я расспросил об этом принимавшего исповедь отца Матфея, и он мне сказал:

– Все это делается для того, чтобы монах достиг бесстрастия. Только об одном думай, не оставляй молитв, и акафиста Пресвятой Богородице, и акафиста Иисусу Сладчайшему из книги «Невидимая брань», но прежде всего зри на смирение отцов. Блаженный отец Неофит был слеп, но его избрали игуменом и никто не смел его преслушаться. Ведь все брали пример с монахов из монастыря Дионисиат и со всех славян на Афоне. Им если игумен скажет броситься в море, – они тотчас его послушаются и бросятся в море, чтобы не нарушить обет, принесенный при постриге. И ты смотри, не отлучайся из монастыря, если хочешь стать безмолвником, а то станешь не безмолвником, а кем-то вроде тех, кто шатается по улицам.

Но я не послушался и отправился прямо в скит. И теперь я вопрошаю: «Хрисанф пропал, где мне его найти?»

Я пишу вам об этом, чтобы вы осознали высоту монашеского жительства. Подумайте о том, что, кто хочет стать монахом, должен уклоняться от встреч с людьми. Он должен быть немногословен и кроток. Поэтому, даже если Вселенский патриарх приедет к вам в монастырь и начнет празднословить, гоните его: ведь он отогнал ангела чистоты и всех хочет ввергнуть в празднословие. Святой Иаков сказал об устах, что не может один и тот же родник источать и сладкую воду, и горькую¹⁸. Поэтому будьте внимательны, иначе с вами случится то же, что случилось с Хрисанфом, когда не могли его найти.

Отец Иероним об искушениях новоначальным

(из письма)

¹⁸ Иак. 3, 12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.